

ИВАН МИРОНОВ

ЗАМУРОВАННЫЕ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Мионов, Иван Борисович.

М64   Замурованные. Хроники Кремлевского центра / Иван Мионов. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с. — (Свобода строгого режима. Провокационная публицистика известного адвоката).

ISBN 978-5-04-161334-1

Эта книга рождалась на тетрадных листках в полумраке камеры самой жесткой тюрьмы России — Кремлевского центра, где Иван Мионов очутился по обвинению в покушении на Чубайса.

Десятки фигурантов самых громких уголовных дел: «ЮКОС», «МММ», «Три кита», «Социальная инициатива», «Арбат-престиж» и многие другие, оказались на соседних нарах и стали героями «Замурованных». Среди них легендарный киллер Леша Солдат, «ночной губернатор» Санкт-Петербурга Барсуков (Кумарин), «мессия» Грабовой, вереница мошенников, олигархов, наркобаронов и чиновников.

Откровения еще могущественных вчера, но низверженных сегодня мощных, умных, коварных, порою шокирующих фигур завораживают читателя до оцепенения. Каждый сокамерник открывает новые грани мерзости или мужества, подлости или стойкости. Но именно в этом калейдоскопе «замурованных» душ и проявляются нравы современной России.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161334-1

© Мионов И.Б., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Предисловие автора

Я начал писать «Хроники Кремлевского центра» спустя месяц после моего ареста, по ночам, под фонарем аварийного освещения трехместной камеры Федеральной тюрьмы номер один, куда я был брошен по обвинению в покушении на Чубайса. К этому времени персонажей и коллизий, политики и быта, горя и смеха уже накопилось на долгие ночи арестантской прозы. Я тогда не верил, что моя неразборчивая скоропись когда-нибудь обретет читателя и не будет похоронена в архивах оперчасти изолятора. Я не мог надеяться, что рукописные странички «Хроник» станут книгой, в фокусе тюрьмы отразившей нашу эпоху. Перспектива сгинуть на пару десятилетий в строгорежимных лагерях за Уральским хребтом была для меня тогда гораздо зримей и реалистичней, нежели литературный успех начатых записок. Все было в те дни против меня, и даже в глазах сокамерников я прочитывал собственную обреченность.

Удивительно, но даже самая страшная реальность, изложенная на бумаге, теряет тошнотворный вкус гнетущей жути, которая остается лишь острой приправой сюжета. Парадоксален и юмор, понижывающий «Замурованных». О нем святитель Николай Сербский писал из концлагеря: «Сегодня только сила и шутка могут спасти нас от отчаяния и безумия». Этим девизом тех, кто не сдается и продолжает бороться, преодолевая страдания

и побеждая уныние, дышат «Замурованные», страшные и смешные. Два года судьба писала эту книгу, посылая новые испытания и уникальных попутчиков — фигурантов самых громких дел первого десятилетия нового века, от легендарных киллеров до олигархов, от «вождей» до «мессий». Но мало было написать, нужно было суметь вывести рукопись на волю из стен почти секретного изолятора. Отрывки книги украдкой от камер слежения удавалось скидывать адвокатам, часть записок я сумел передать маме через клетку в судах за спинами утративших бдительность конвоиров. Однако сохранить удалось не все. Куски рукописи были безвозвратно изъяты во время регулярных обысков камеры.

Журналист, попавший в тюрьму, волею судеб и профессии неизбежно становится историком. У писателя, оказавшегося за решеткой, кошмар непредсказуемости рано или поздно сменяется подсознательным азартом первопроходца — поведать миру о том, что еще никому не открыто. Для всякой тоталитарной системы губительно пожирать интеллигенцию тюрьмами. Это лакомство ядовитое...

Мое освобождение из плена после двух лет тюремного заключения явилось лишь промежуточной победой общества над политической системой. Впереди предстоял суд присяжных, растянувшийся почти на десять месяцев. Я по-прежнему оставался обвиняемым, а свобода была ограничена прихотью следователя и судьи.

Уже через месяц после издания книга попала в разряд негласно запрещенных. По звонкам сверху отменялись презентации, изымались из продажи тиражи. Но «Замурованные», достойно встреченные читателем, устояли. И спродюсированная Вадимом Цыгановым, озвученная народным артистом России Виктором Никитиным при участии автора, книга вышла даже в аудиоверсии.

Судьбы некоторых героев «Замурованных» за минувшие годы определились, изменились, оборвались, но об этом в следующей книге.

Понятие о родине писаны для нас одними чернилами...

Что может объединить двух людей, попавших то ли по поущению Божию, то ли по милости Его в тюрьму, и не простую, а самую что ни на есть «привилегированную»? Оказалось, что многое может объединять людей, совершенно не имеющих никаких точек соприкосновения.

Мы познакомились с Иваном в одной из камер СИЗО-99/1 (ныне СИЗО-1), что надежно «несет» свою незаметную службу на улице Матросская тишина. Ему было тогда ровно столько лет, сколько было мне, когда я стоял, как и он в этот момент, на перепутье жизненных дорог, и кто-то за меня, как и за него, решал, куда направить наши судьбы. После окончания соответствующего для каждого из нас института никто не сомневался в правильности и ясности избранного. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Понятие о Родине писано для нас обоих одними чернилами и на одной бумаге, однако существенно разнится с понятием государства, отраженным в «Замурованных». Увлеченность автора не перехлестывает фанатизмом и не изменяет объективности.

В моей жизни было много черных участков, может быть, поэтому я не люблю ложь в отношениях и грязь в политике, а потому консервативен в первом и совсем не касаюсь второго. Но Иван легко вошел в круг уважаемых мною людей, хотя политика для него есть море, где он бороздит просторы «искусства возможного». Причин подобного отношения к нему много и главная из них — умение держать слово.

Пишу это еще и для того, чтобы сказать о правдивости характеров и личных особенностей героев романа, коих имел возможность изучить и я. Случайная разница во впечатлениях объясняется лишь тем, что одни и те же сидельцы были встречены на разных этапах наших жизненных путей. А ведь некоторые из нас перевозмогали заключение в течение и трех, и четырех, и пяти, и более лет. Разумеется, надежды, силы и иные характеристики человека в начале пребывания в крайне замкнутых и тяжелых условиях гораздо отличаются от его же характера, изменившегося по пришествии тюремных лет, судов и вынесенных приговоров.

Если когда-то появится книга «Замурованные. Пять лет спустя», получится новая история с новыми героями, правда, с теми же фамилиями.

Лично я книгу прочитал на одном дыхании и с жадным интересом. О многих из описываемых событий я знал исключительно понаслышке, по «арестантскому радио». Здесь автор не только высветил, но и мотивировал многие события, происходившие в период нашего заключения.

То, что видел и слышал я, что замечал и что пережил, почти полностью совпадает с написанным. В лишениях и тюремном безвременье мы учились искать радость и осмысление нашего существования в этом необычном центре. Необычен он не только арестантским контингентом и внутренней герметичностью, что, в основном, и создает более тяжкие условия содержания по сравнению с остальными тюрьмами, но и малым количеством заключенных с повышенным к ним со стороны администрации вниманием и воздействием. Последнее, впрочем, не выходит за рамки кодексов, да это и не нужно — ибо большая часть статей работает со времен ГУЛАГа, что сохраняет возможность для маневра.

Начальник «Кремлевского центра» незабвенный и бессменный Иван Павлович, возможно, потому «дер-

ЗАМУРОВАННЫЕ. ХРОНИКИ КРЕМЛЕВСКОГО ЦЕНТРАЛА

жится на плаву», что талантливо умудряется находить компромисс между жаждущими крови отдельными следователями и законом, а также виртуозно вербовать самых блатующих арестантов.

Современный человек — существо социальное, и лишить его привычного общества и общения — значит, создать условия невыносимые. Этот централ усиливает подобное состояние непреодолимой неизвестностью как обстоятельством, наиболее непереносимым человеческой психикой. Удивительным при этом является то, что внутренней свободы выбора лишить нас никто не может, но многие о ней стараются забыть, опускаясь и сдаваясь, выменивая человеческую волю на животные инстинкты. Однако в «Замурованных» показана не только страшная девальвация человека, но и его мощный духовный подъем, возможный только в экстремальных жизненных обстоятельствах.

Личная история автора — это мужественное преодоление испытаний по правде и совести. Он делится этим спасительным опытом, сопереживая и сочувствуя даже таким, как я.

*Алексей Шерстобитов
(Леся Солдат)*

Декабрь. 11-е

Если утро затянулось до обеда, то день безнадежно пропал.

11 декабря 6-го года, в полпервого дня, я сидел на кухне на улице Дмитрия Ульянова, обретаясь в тяжелом настроении от позднего подъема, раздраженно поглядывая на часы, светящиеся на электронном табло плиты. Черный циферблат размеренно выплевывал ядовито-красные числа, безвозвратно съедавшие понедельник.

— Какие планы? — Наташка разлила источающий ароматную горечь кофе в изысканный фарфор.

— В институт надо отскочить. Передать завкафу окончательный вариант диссертации и обратно. За пару часов уложусь.

— Когда защищаться планируешь?

— По весне защититься, по осени жениться.

— Хе-хе. — Наташка, сверкнув тонкими запястьями, распечатала пачку «Вог». — И все это будучи в федеральном розыске?

— Чушь. Какой розыск?! Ты же дело видела! Перед законом я чист, да и офицеров не сегодня-завтра оправдают. Вначале хотели жути поднагнуть, на показания давануть...

— Ты это моему отцу объясни. — Глаза девушки подернулись хронической грустью.

— Да, душный у тебя батька. Тяжело с вами — хохлами. Мутные, как самогон, зато беленькие, как сало.

— Вань, прекращай. — Наташа обидчиво дернула бровями, резко вдавив сигарету в пепельницу.

Я подошел к окну, с одиннадцатого этажа отыскал грязным пятном сливающуюся с асфальтом свою машину, припаркованную на стоянке, занимавшей почти всю территорию двора-колодца.

«Надо бы помыть», — мелькнула обрывочная мысль в до конца не проснувшемся сознании.

— Купи что-нибудь на ужин, — вклинилась в мои планы Наташа.

— Хорошо, — нехотя отозвался я.

— Кстати, как будем Новый год встречать? — Этот вопрос за два дня звучал уже раз пятый.

— Как скажешь, Наташенька, — попробовал отмахнуться, но безуспешно.

— Давай что-нибудь придумаем. Времени-то мало осталось.

— Времени валом. Еще почти три недели. — Я напряженно выдумывал, как соскочить с назойливой темы. — Кстати, я же вчера уши наварил. Будешь?

Накануне, в воскресенье, я закупил на рынке рыбной всячины, за полночь провозившись с ущицей. Все честь по чести, с процеживанием бульона и обязательной рюмкой водки, щедро опрокинутой в кастрюлю. Ночью, сняв пробу, я оставил блюдо на завтра в предвкушении чревогодных радостей.

— Собрался ее сейчас есть? — искренне удивилась Наташа.

— А когда?

— Ну, как вернешься.

— Буду сейчас.

Наташка, недовольно фыркнув, ушла из кухни.

Уха действительно получилась настоящей. Бульон переливался блестящей перламутровой мозаикой, раз-

ряженной малахитовыми искорками укропа. А вкус! До сих пор мне кажется, что я больше не ел ничего вкуснее той ухи.

Разобравшись с трапезой, оделся, взял телефоны, бумаги, сунул в карман травмат, проверил документы на машину.

— Наташ, пока. — Я щелкнул дверной задвижкой.

— Пока. — Девушка дежурно мазнула помадой по моей щеке. — Не забудь про магазин. Ну и про Новый год.

— Не занудствуй, — бросил я в закрывающуюся за мной дверь.

Пересчитав этажи, лифт без остановок приземлился на первом.

Поздоровавшись с консьержкой, толкнул промежуточную дверь.

— Вы из 55-й? — окликнула консьержка, высунувшись из своей будки.

— Да. — Я отпустил дверь.

— Я извиняюсь, — продолжила женщина. — У вас там небольшой долг за вахту.

— На обратном пути рассчитаюсь.

— Да, да. Конечно, — протараторила консьержка, исчезнув за решеткой.

Снова толкнул дверь, оказавшись перед второй — тяжелой, железной, на магнитном коде. Нажал кнопку, калитка запищала, выпустив меня на волю.

В пяти метрах, наискосок от подъезда, стояла незнакомая красная «Тойота». Почему-то она сразу бросилась в глаза: старая, тонированная, просевшая под тяжестью пассажиров.

— Все! Приплыли! — пронеслось в голове.

Сделал шаг назад. Дверь, медленно закрывавшаяся за мной на доводчиках, еще спасительно пищала, но в то же мгновение звук потух, металл лязгнул о металл. Движение началось. Из машины высыпались хмурые мужчины.

Они бежали слева и справа, копошась в подмышках, отстегивая табельное.

— Стоять, сука! Руки в гору! На землю! — загудело в ушах.

В глазах запестрели вороненая сталь, порезанные фурункуловые жирные рожи, запаршивленные щетиной. Дальше пленочка в голове стала крутиться медленнее, обволакиваясь багровой дымкой. Голоса стали звучать то приглушенно до нежного шепота, то резко до боли в висках.

Я лежал на тротуаре, когда мне, выламывая руки, крепили наручники. Перед глазами топтались ботинки, дорогие, но крепко замызганные. Первый удар пришелся под ребра. Ощущение, как будто в тебе сломали карандаш. Это хрустнуло плавающее ребро. Адреналиновая анестезия нивелировала боль. Из кармана куртки достали травмат, что было отмечено летящей мне в голову остроносой туфлей. Я успел отдернуть шею, поэтому вместо сломанной челюсти отделался разбитым ртом.

— Хорош, убьете! — раздался визгливый окрик. — Нам его еще в прокуратуру сдавать. Поднимите.

Меня подняли.

— Полковник милиции... — Свою фамилию мусор опустил, махнув передо мной красными корками. — Назовитесь!

— Да пошел ты. — О плечо я вытер сочившуюся изо рта кровь.

— Иван Борисович, мы сейчас с вами проследуем в Генеральную прокуратуру для дачи показаний.

Меня закинули в машину, на пол, в проем между сиденьями. Две пары ног водрузились на обмякшее тело, тяжелый каблук припечатал голову к резиновому коврику. На правом переднем, насколько я мог ориентироваться по голосам, восседал полковник.

— Все в порядке! Мы его приняли! Встречайте! — радостно сообщил он кому-то по телефону. — Снимайте группу со стоянки.

Значит, ждали и возле машины, знали, на чем езжу и лишь приблизительно, где живу. Ехали недолго, остановились, меня выволокли из «Тойоты», перекинули в «Жигули», в «семерку», посадили на заднее сиденье, подперев по бокам двумя обрюзгшими товарищами с потухшими, практически немигающими глазами.

— Ты, парень, не подумай — ничего личного, Чубайса сами ненавидим и замочить его — дело правое, но приказ есть приказ, людишки мы подневольные, не держи зла, — посочувствовал сосед справа, владелец до боли знакомой остроносой туфли.

Я судорожно засмеялся.

— Чего ты ржешь? — удивился мусор.

— И уши поел, и с Новым годом порешали. — Я сцедил густую кровавую жижу себе под ноги.

Голова плыла, браслеты жевали запястья, я отключался. Сосед слева, пристроив пакет на моем плече, всю дорогу смачно жрал плов вприкуску с какой-то дрянью.

Из забытья я был извлечен, когда подъехали к высокому, цвета незрелого баклажана строению, огороженному чугунным частоколом. То было здание Генеральной прокуратуры в Техническом переулке. Туда же подтянулись остальные участники героического захвата.

— Слышь, Иван, ты в какой квартире жил? Адрес свой нам скажи, — как бы между прочим пробросил полковник.

Его милицейская непосредственность заставила меня улыбнуться.

— Перетопчетесь, — бросил я.

— Мы же тебя по-хорошему спрашиваем, — оскандился полковник.

— Я тебе и по-плохому не скажу.

— Мы же все равно найдем. Весь подъезд на уши поставим. Тебе оно надо? — не унимался правоохранитель.

— Ищите! Работа у вас такая — искать.

— Зря ты так. — В голосе милиционера прозвучали обидчивые нотки. — Мы к тебе по-человечески подошли. Тебя вообще СОБРОм хотели брать.

Квартиру сыщики нашли ближе к полуночи. Зашли по-простецки, распилив дверь болгаркой и до полусмерти напугав Наташку. В ходе четырехчасового обыска, на который не пустили даже адвоката, обнаружили несколько патронов от травматического пистолета «Оса», две брошюры, один диск, книгу отца... Вся их добыча.

Небольшой узкий кабинет следователя был заставлен четырьмя столами с компьютерами, толстыми подшивками уголовных дел и прочим хламом. Внутри наводил суету молодой человек посыльного вида с затертым «я», со взглядом кролика, но хомячьими щеками от значимости учреждения, в котором ему приходилось шустрить.

Сначала я принял его за курьера, хотя смущал его костюмчик, отливающий какой-то гадкой зеленью. Но когда «курьер» начал по-хозяйски рассаживать моих мусоров, обходительно приобнимая их за плечи, я окончательно запутался. Еще одной обитательницей кабинета оказалась бледная, как моль, женщина, настолько бледная, что моя память сумела выхватить лишь бельмообразную тень, снующую по комнате. Наконец появился подлинный хозяин кабинета, чье имя красовалось в коридоре возле двери: Краснов Игорь Викторович.

В старшем следователе по особо важным делам Генеральной прокуратуры Краснове было больше от Маньки Облигации, чем от Жеглова. Бабья манерность, бесстыдная вертлявость и витринный лоск содержанки сливались воедино в советнике юстиции. Он ходил скорее на дорогого адвоката или финдиректора какой-нибудь

добычи. Его костюм, в отличие от ублажавшего ментов чаем шныря-модника, на отливе был идеально подогнан по фигуре и тянул явно не на одно месячное жалование сотрудника Генпрокуратуры. Из пиджачных рукавов то и дело выныривали золотые запонки на белоснежных манжетах сорочки. На правой руке подполковника болтался турбийон, нескромно отливая сапфировыми бликами.

— Поакkuratней не могли? — укоризненно бросил Краснов, ни к кому не обращаясь, кидая на стол предназначенную явно мне коробку с салфетками, разукрашенную фиалками.

— Это что, по-вашему, больница?

— Оказание сопротивления при задержании, был вооружен, сами понимаете, — лениво отозвался кто-то из ментов.

— Короче, пишите рапорта. Потом все свободны, кроме двоих для конвоирования гражданина Миронова на Петровку.

— Адвоката вызови. — Голова болела и кружилась. Кровь, наполнявшую рот, приходилось сглатывать, и от этого речь давалась с трудом.

— Набери его адвокату, пусть подъезжает, — приказал Краснов «курьеру», даже не взглянув на него.

Однако парень, прирученный к определенной интонации шефа, тут же бросился к телефону.

— Иван, — размеренно и вкрадчиво зажурчал Краснов, профессионально отработывая на доверии. — Я хочу, чтобы ты понял всю серьезность своего положения. Тебе вменяются очень суровые вещи, которые по совокупности тянут минимум лет на двадцать, и то, если тебя сочтут заслуживающим снисхождения. Как ни крути — «ван вэй тикет» или...

— Или что? — Пейзаж расплывался, а голос Краснова звонко бил по перепонкам.

— Или расскажешь, как все было. Если забудешь чего, мы напомним. Посидишь недельку на Петровке,

пока будем оформлять твои показания. Пойдешь по делу свидетелем.

— Поцелуй меня в плечо. — Я харкнул кровью на вишневый ламинат.

— В смысле? — поперхнулся следак.

— Ну, ты же тоже издалека начал.

— Иван, зря хорохоришься. Этого никто не оценит. Жаживо себя хоронишь. А ведь как все хорошо складывалось: карьера, наука, невеста, красивая, умная девушка. Забудь! Уже через год тюрьмы станешь инвалидом. И это даже без нашей помощи. Ну, а если нас разозлишь.

— Вот, возьмите. — Краснова прервал мент с отекистым лицом, сальными руками, в загаженной черными подтеками некогда красной куртке, положив на стол кипу разрисованной каракулями бумаги, мятой и заляпанной.

— Хорошо, спасибо. — Краснов брезгливо отодвинул подальше от себя ухоженными наманикюренными пальцами отчеты о моей поимке.

«Венским вальсом» Штрауса зазвонил телефон Краснова. Взглянув на экран, подполковник торопливо давал кнопку.

— Слушаю, Дмитрий Палыч. Все отлично. Задержали, доставили, сейчас работаем. Хорошо, как сдадим на Петровку, сразу тебе наберу.

Краснов отключился.

— Иван, откровенно, шансов у тебя нет. Видишь, какие люди тобой интересуются. Дмитрий Павлович Довгий.

— Кто это? — мотнул я головой.

— Тебе лучше и не знать, — хмыкнул подполковник. — Если у такого человека нет сомнений в твоей причастности к столь тяжкому преступлению, считай, что тебя уже не существует.

— Свое-то существо этот твой Палыч надолго намерил?

— Мы — это система, которая позволяет стране жить и развиваться. И система эта и была, и будет.

— Лучше Расскажи, сколько тебе с твоим другом, как его, Долбием, занес Чубайс?

— Иван, не усугубляй. — Краснов театрально провёл рукой по волосам. — Хотя терять, по-моему, тебе уже нечего...

Пофилософствовать подполковнику не дали, подъехал адвокат. Мне предъявили обвинение, мы в ответ заявили алиби и 51-ю статью Конституции. Что-то писали, о чем-то спорили. Адвокат ушел. Меня повезли на Петровку, 38, в ИВС — изолятор временного содержания.

Час мариновали в узкой железной клетке, затем долго и дотошно обыскивали: раздеться, присесть, встать, одеться. Выдав вонючую подушку и матрац, больше похожий на грязный мешок с насыпанными в него комьями ваты, меня закинули в камеру. Трехместная «хата» — полтора на четыре, стены окрашены в унылый серо-голубой цвет, окно, по-местному — «решка», с обеих сторон занавешенное рядами решеток, почти не пропускало солнечного света, который с лихвой восполняли две лампы, включенные круглые сутки и светившие, как автомобильные фары. От всего этого вскоре потерялось ощущение времени, пространство же оставалось неизменным.

С непривычки в глазах рябит от решеток, которые везде — на окне, фонарях, даже на шконках в виде металлических планок. Кстати, первое, к чему с трудом приходится привыкать, — это нары. Вместо матраца все время ощущаешь под собой только холод врезающегося в ребра железа. Спишь в одежде, надвинув на глаза шапку, спасаясь от назойливого вечного света. По ночам постоянно просыпаешься, с минуту-две отжимаешься, приседаешь, чтобы разогнать кровь и согреться.

Сокамерниками оказались таджик-гастарбайтер и старый рецидивист, словно рукодельная гжель, расписанный узорами тюремной романтики. Сутки спустя со-

ЗАМУРОВАННЫЕ. ХРОНИКИ КРЕМЛЕВСКОГО ЦЕНТРАЛА

седей поменяли. Здесь как в поезде — одни пассажиры сходят, другие заходят. А ты едешь и едешь и не знаешь, как сорвать стоп-кран.

В четверг повезли в суд выносить постановление об аресте. После трех суток, проведенных в изоляторе на Петровке, уже за счастье было выйти на воздух. В Басманский суд везли одного, в клетке, оборудованной в «Газели». По ту сторону решетки — конвойный-автоматчик. Как только тронулись, сержант предложил сигарету.

— Знаешь, я не верю, что это вы организовали, — тяжело вздохнул мент, чиркнув спичкой. — Хотя жалко, конечно, что гада этого не взорвали. Будь у меня руки подлиннее, лично бы его придавил...

В коридоре суда среди объективов телекамер и вспышек фотоаппаратов отыскал глаза матери. Тогда я еще не знал, что в один день со мной взяли отца, не знал, что ей пришлось пережить, разрываясь сердцем между московской и новосибирской тюрьмами...

По возвращении на Петровку первым делом из обуви выломали металлические супинаторы и срезали с одежды все металлические застёжки — приговор суда вступил в силу. Еще через сутки — «с вещами на выход». Через полтора часа скитаний по запруженной машинами Москве воронок въехал в узкий шлюз тюремных ворот.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Федеральная тюрьма номер один

Единственное здание, не разрушаемое временем, не подвластное ходу истории, непоколебимое в войнах и революционных потрясениях, — это тюрьма.

Тюрьма — неизменный символ своей эпохи, непреходящая изнанка государственного прогресса и просвещения, свободы и равенства, демократии и политического плюрализма. Историю Франции можно изучать по узникам Бастилии, историю Российской империи — по Шлиссельбургской крепости и Петропавловским казематам, а образы «подвалов Лубянки» и ГУЛАГа неотделимы от доброй половины советской эпохи.

Уже почти двадцать лет кремлевским острогом, наводящим ужас на обитателей высоких кабинетов, является Федеральная тюрьма № 1. Суровый образ политической тюрьмы, как хороший коньяк, требует выдержки. Пройдут годы, и мрачная слава централа в Сокольниках затмит легендарный блеск своих исторических предшественников. Снимут фильмы, напишут книги, сложат песни. Да и как иначе? Ведь эти стены обрекали на страдания гэкачепистов, опальных олигархов, проштрафившихся министров, зарвавшихся банкиров, главшпанов самых могущественных ОПГ — организованных преступных группировок. Все, по своей сути, жертвы собственных преимуществ.

Название сего заведения уложилось в три цифры — ИЗ-99/1. Две девятки говорят о федеральном значении изолятора (всего в России две федеральные тюрьмы, вторая — 99/2 — «Лефортово»), остальные имеют региональный статус: 77/1 — «Матросская тишина», 77/2 — «Бутырка», 77/3 — «Пресня»... Неофициально ИЗ-99/1 называют и «фабрикой звезд», и «девяткой», и «Абу-Грейб», и «подводной лодкой», и «Бастилией», и «Гробом»... Здесь ждут своей участи фигуранты самых громких дел последнего десятилетия. Многие сидят годами, и дорога отсюда на свободу в разы уже, чем на пожизненный остров «Огненный». ИЗ-99/1 — это точка, реже многоточие в сумасшедших карьерах, блистательных биографиях, захватывающих боевиках и душераздирающих трагедиях. Это скала в море власти и успеха, о которую разбиваются судьбы их вершителей.

Посадочных мест на «девятке» не больше сотни, именно «посадочных», поскольку, как правило, им всегда предшествует стремительный взлет. Избранностью клиентуры определяются индивидуальный подход и исключительная изоляция. Единственная связующая нить с родными — письма, насквозь пропахшие едкой, безвкусной парфюмерией цензоров, с размазанным, словно с медицинской справки, штампом «Проверено». Камеры, адвокатские, прогулочные дворики, продолы от души наспигованы подслушивающей и подглядывающей электроникой. Под запретом любые веревочки, даже шнурки, и, чтобы подвязать на подбитых баландой животах штаны, сидельцы плетут веревки из сорочек от Бриони, Армани и Гуччи...

Проехав шлюз, «Газель» остановилась. Сквозь наслоение стекла и решеток воронка я смог разглядеть лишь кусок серой обшарпанной стены да нижний угол большого окна. Зато шума снаружи прибавилось. Кричала «дорога», истошно выплевывая цифры: «два два семь»,

«четыре три девять», «три один пять» — номера камер, созвучные статьям Уголовного кодекса. Своим бесконечным жужжанием «Матроска» напоминала необъятный улей.

Работавшая в машине печка не грела, но мерзли только ноги.

Сильное внутреннее возбуждение согревало лучше всякой шубы. Два конвоира выскочили из воронка, оставив водителя в одиночестве. Тот заглушил двигатель, достал миниатюрный дивиди-проигрыватель, по экрану которого запрыгали титры. Американская комедия отвратного качества с гнусавым переводом пробивала мента на «ха-ха» каждые пять минут. Сколько было таких пятиминуток, сложно сказать, но, судя по развитию сюжета и по онемевшим пальцам ног — не менее часа. Наконец вернулись автоматчики, и мы снова куда-то ехали, наворачивая непонятные круги по тюремным дворикам, пока не остановились возле одинокой полуоткрытой двери под аккуратным резным козырьком. Меня вывели на улицу. Зимнюю ночь угрюмо разрезал масляный лунный серп.

Навстречу милицейскому конвою вышли трое в зеленой пятнистой форме. Стандартное «фамилия, имя, отчество» из уст одного из них прозвучало как-то неофициально, непривычно растянуто. Получив ответ, он, зевая, приказал следовать за ним.

Меня поразила тишина. Пчелиный гул утих. Где я? Куда завезли? Что дальше? Новые провожатые явно не походили на экскурсоводов: небольшие ростом, с отеками лицами, потертый безразмерный камуфляж, сбитые ботинки, и словно лейблом этого человеческого материала на рукавах красовался шеврон «Министерство юстиции. ГУИН». Три ступеньки вниз — подъезд и три лестничных пролета вверх.

«Менты, вертухаи — все одно, — размышлял я, считая ступеньки, — но, по крайней мере, зеленый цвет приятнее мышинового». Эстетика на тюрьме — дело да-

леко не последнее, но об этом позже. Как только мы вошли в здание, шедший впереди меня конвоир нажал на стене кнопку — по ушам ударили разрывы сирены...

Поднявшись на третий этаж, ведущий постучал ключом-«вездеходом» по железной двери, провел рукавом по черному электронному датчику, на котором, пискнув, зажегся зеленый диод, далее три оборота ключа — и дверь впустила нас на этаж. В коридоре стояли еще несколько вертухаев. Снова «фамилия, имя, отчество», не успел оглянуться по сторонам, как оказался в камере — сборке, временной для прохождения посаженным процедур.

После изолятора на Петровке хата выглядела вдохновенно. Четырехместная, пустая и необъятная: по паре двухъярусных шконок, между ними стол — по-местному «дубок», над раковиной для мыльно-рыльных принадлежностей висел зеркальный пластиковый ящик, вместо привычной параша в углу возвышался унитаз, а сам «дальняк» был обнесен бетонной оградкой высотой в метр. Возле двери, по-местному «тормозов», висела радиоточка, над которой громоздилась металлическая полка под телевизор — антенный кабель торчал из стены. Размером камера примерно пять метров в ширину и три в длину. Метра под три — потолок. Окно впечатляло: решетка снаружи, решетка изнутри, матовая пленка на стеклах, зато нет скрадывающих свет сеток и «ресничек». Не было и шершавой, оспой изъеденной «шубы» — стены ровные, выкрашены в голубые тона. Пол бетонный — в мелкую коричневую клетку. Камеру освещали две стандартные потолочные лампы дневного света и фонарь над дверью, правда, фонарь был почему-то погашен, но чуть ниже радиоточки я узрел выключатель — одиночный, белый, клавишный.

«Ух, ты, значит, тут светом можно манкировать». — Я нажал на кнопку в ожидании фокуса, но фокус не удался: ничего не загорелось, ничего не погасло. С де-

сяток тщетных попыток — и я сдался. Зато после долгих манипуляций с радио из динамика раздалось «Ретро-FM».

После недели принудительного слушанья на Петровке шипучего «Маяка» музыка показалась райской. Дальнейшее изучение местности проходило уже под сиплые вздохи Юрия Антонова. На стене ярким белым пятном красовались «Правила содержания в следственном изоляторе подозреваемых, обвиняемых и осужденных». Самым увлекательным показался раздел «Распорядок дня»:

1. Подъем 6 час. 45 мин. — 6 час. 50 мин.
2. Утренний туалет, уборка камер и заправка спальных мест 6 час. 50 мин. — 8 час. 00 мин.
3. Запись на прием к врачу и руководству изолятора 8 час. 00 мин. — 9 час. 00 мин. (во время утренней проверки).
4. Завтрак 8.00—9.00.
5. Обед 1 час в период с 12.00—14.00.
6. Ужин 18.00—19.00.
7. Отбой 22.45.
8. Ежедневная прогулка 1 час.
9. Санитарная обработка (душ) — один раз в неделю (15—20 мин.).
10. Стрижка — один раз в три месяца.
12. Выдача книг — один раз в 7 дней.
12. Подача заявлений ежедневно (в рабочие дни), во время утренней проверки.
13. Просмотр телепередач ежедневно с 6.45 до 22.45».

Между тем нервное напряжение продолжало будоражить каждую мышцу. Несколько десятков приседаний, отжиманий, и волнение, погашенное усталостью, начинало понемногу отпускать. Зарядку прервал хруст замка: вошел невысокого роста капитан с бодрой выправкой и забавной прической, за ним — сутулый лысеющий майор.

— Знаете, куда попали? — спросил капитан после набивших уже оскомину формальностей (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, уточнения прочих анкетных данных).

Судя по всему, вопрос с ударением на слове «попали» должен был нагнать на меня жути. Но не к месту щегольской вид офицера, его нелепая прическа — укладка и плохо скрываемая улыбка вселяли слабый оптимизм и некоторую уверенность в ближайшем будущем. Что-то подсказывало, что хуже уже не будет.

В отличие от капитана, майор был строг, молчалив, держался подчеркнуто отчужденно. Приказав раздеться до пояса, он изобразил медицинский осмотр и снова ушел в себя. Как выяснилось позже, майор — начальник медчасти изолятора, капитан — «ДПНСИ», в переложении на слова — «Дежурный помощник начальника смены изолятора», за свою внешность среди мужского контингента заключенных получивший погоняло «мальчик-девочка», а среди женского — «красавчик».

Офицеры вышли, посоветовав внимательно ознакомиться с настенными правилами содержания, и моя зарядка продолжилась.

Спустя еще минут сорок появился тучный прапорщик в сопровождении двух сержантов. Личный обыск и опись вещей прошли довольно быстро. Спортивная сумка и почти все вещи были отмечены на склад, вместо них выдали квитанцию «о приеме изъятых вещей у арестованного», в правом углу которой в графе «наименование органа» от руки вписали «ФГУ ИЗ-99/1», но название тюрьмы мне пока ни о чем не говорило.

В то время как прапорщик оформлял бумаги, тщедушный младший сержант притащил положняковую казенку — старый матрац, грязную подушку, комплект застиранного постельного белья и небольшую картонную коробку, запаянную в целлофан, в которой лежали кусок

хозяйственного мыла, зубные паста и щетка. Потом повели в «баню».

С третьего этажа под рывканье сирены спустились на второй.

Отсыревшую раздевалку с тщательно зачищенными надписями на деревянной лавке отделяла от душа очередная железная дверь. В душе всего пять леек, вентили с холодной водой сняты, из горячего крана вода лилась чуть теплая. После помывки — обратно на «сборку». Матрац — в одну руку, миску, кружку — в другую, так и двинулись в камеру.

По дороге мне, наконец, удалось рассмотреть, где нахожусь. Тюремный продол, по которому вели, был на удивление аккуратным и никак не подходил к традиционному образу темницы. Приятное освещение, снежные потолки, вездесущая чистота создавали больше санаторно-больничную, нежели тюремную атмосферу. Камеры располагались по обеим сторонам коридора, по десять хат на этаже, рядом с каждой висела белая табличка с номером, первая цифра которого соответствовала этажу. Подойдя к триста восьмой, находившейся почти в самом конце продола, вертухай приказал встать лицом к стене, открыл глазок и, не отрываясь от «штифта», несколько раз повернул ключом в замке. Тормоза, громыхнув, открылись, насколько позволяли фиксаторы. Из камерной утробы ударили дискотечные басы на полную мощность работавшего телевизора. Боком обогнув ворота, я протиснулся внутрь.

Представшая передо мной картина всколыхнула яркие, противоречивые чувства, подытоженные долгожданностью конечной остановки. По планировке хата аналогична «сборке», но из-за обжитости выглядела гораздо теснее — нечто среднее между комнатой в общежитии и продуктовым складом. Вдоль стен рядами возвышались многочисленные коробки с овсяными, гречневыми хлопьями, пакеты молока и кефира, стаканы со сметаной, колонны

синих пластиковых банок с повидлом, фальшивой бронзой блестели плоски с тушенкой и кашами. Под шконками пухли баулы, просвет между телевизором и стеной забили блоки «Мальборо» и «Парламента».

В нервном ожидании воплощения художественных представлений о тюрьме с ее «прописками» и пресс-хатами стал рассматривать публику. По краям верхних шконок в одинаковой позе лотоса, словно сфинксы, застыли два внушительного вида и габаритов сидельца. Хмурые лица, бритые затылки, спортивная «заточка» — в тучных фигурах проглядывало многолетнее самоистязание железом. Один слегка переваливал за центнер, другой мог не вписаться и в полтора. Этот сиделец весь был запартачен цветными картинками. Сидя, он опирался на изуродованную руку, на которой отсутствовали указательный, средний и безымянный пальцы. На нижней шконке робко жался парнишка лет двадцати двух, имея улыбку за обыкновенное выражение лица, что-то вроде приобретенного рефлекса — единственной для него возможной психологической защиты. Киношный образ пресс-хаты разрушал последний сокамерник — несуразно сложенный высокий очкарик, примерно мой ровесник. Толстые диоптрии, облегающая водолазка и кальсоны цвета хаки, подчеркивавшие рахитизм фигуры, нелепость движений, неосознанно подгоняемых под музыку, невольно вызывали улыбку и недоумение. К тому же шконку этот танцор хамовато-интеллигентного покроя занимал, по моим вольным представлениям, самую почетную — правую нижнюю, возле окна.

— Здравствуйте, — механически бросил я, озираясь по сторонам и пытаясь анализировать увиденное.

Кто-то поздоровался, остальные молча кивнули, пристально изучая вновь прибывшего. Свободные нары были заставлены, но тут же сверху пошла команда: «Заяц, убери вещи». И парень в камуфлированных кальсонах, не сбиваясь с музыкального такта, ловко принялся рас-

совывать и утрамбовывать в пустые щели камеры баулы, пакеты, мешки.

Когда я, наконец, бросил матрац на освободившееся пространство, началось знакомство с круговым рукопожатием. «Заяц» представился Севой, остальные оказались Сергеями.

— Что за беда, Вань? — поинтересовался Сергей с погонялом Алтын.

— Чубайс.

— Да, точно, — подпрыгнул танцор Сева, изобразив на лице необъяснимое удовольствие. — По ящику тебя видели и фотку твою в газетах пропечатали.

— А мы тут поспорили, кто к нам заедет — комерс или не комерс, — объясняя нечаянную радость Зайца, нехотя добавил Алтын.

— Серега, ну и кто угадал? — Сева самодовольно уставился наверх, на что собеседник лишь криво ухмыльнулся.

— А у вас что за дела? — спросил я в ответ.

Алтына грузили убийством в составе банды, беспалого тяжеловеса по кличке Бубен судили за организацию наркомафии, самый юный пассажир уже получил срок за мошенничество и ждал этапа на зону.

Сева Заяц назвал свои статьи.

— Это куда? — Для меня цифирь Уголовного кодекса начиналась и заканчивалась убойной сто пятой.

— Изнасилование, — расстроено пояснил Заяц.

И без того, мягко говоря, сомнительная шутка прозвучала глупостью с тухлым душком.

— Ты че гонишь?! — закипел Бубен.

— Серега, ну, я пошутил, — извиняясь, развел руками Сева и, переведя на меня взгляд, театрально выдержал паузу: — Вымогалово шьют. Я «Черный плащ». Слышал?

— Нет пока. — За последнюю неделю я первый раз рассмеялся.

— Значит, здесь такая постанова, — вполголоса напутствовал Бубен. — Живем людским, шнырей нет, на тряпку упасть не запахло. О своих делюгах не базарим. Собрался на дальняк — распрягаешь занавеску, если в хате кто-то ест — дождись, пока закончит. В остальном по ходу разберешься.

Камера дружно закурила. Тренировать волю натянутыми до предела нервами не достало сил. Сигареты хватило на три жадных затяжки: отпустило, согрело, ослабило.

— А как вещи с воли затянуть? — Прикуривая, я машинально пытался греть ладони от горящей спички.

— Здесь все через заявление на имя начальника изолятора. Утром на проверке забирают, в течение трех дней рассматривают, если отказ не принесут, значит, разрешили.

— Как писать заявление? Не силен я в подобном жанре.

— В правом верхнем углу пишешь: «Начальнику ИЗ 99/1 полковнику внутренней службы Прокопенко И. П., к. 308, по центру — «Заявление». С новой строки: «Прошу Вас разрешить», далее суть просьбы, например, получить от моих родных, или выдать со склада то-то и то-то, или посещение спортзала и тому подобное, затем число и подпись.

— Какого спортзала? — недоверчиво переспросил я.

— Да, есть здесь такое, — улыбнулся Серега. — Сто сорок рублей в час с рыла, как правило, вместо прогулки, и то в порядке поощрения. Начнешь с ними кусаться — о спорте можешь забыть.

Я вспомнил, что шесть дней ничего не ел. Тут уж по-хозяйски уважил Бубен. После недолгого колдовства над электрочайником по шленкам растеклось что-то очень вкусное, сочное и жирное. Глаза слипались в полудреме. Но хата на покой не собиралась. В телевизоре бесперебойно гудела музыка.

— Может, чифирнем? — спросил Бубен.

— Можно. — Алтын лениво приподнялся со шконки. Пластиковое ведро из-под повидла Бубен наполовину засыпал чаем и залил до краев кипятком. Минут через двадцать густую жирно-бурую, словно отработанное масло, жидкость он слил в другое ведро, которое пошло по кругу. Каждый, сделав по три-четыре глотка, передавал «братину» следующему. Вкус необычный и немного тошнотворный, с тупой горечью.

— Ну, как? Бодрит? — поинтересовался Заяц, явно хорохорившийся передо мной своим семимесячным тюремным стажем.

— Ты вообще заткнись! — оборвал Севу Алтын, повернувшись ко мне, пояснил: — Заяц две недели назад пару таких бадеек в одно рыло засадил. Сначала блевал дальше, чем видел, потом сутки проср... не мог. Так ведь?

— То ж «конь» был, — попытался оправдаться Черный плащ.

— Что такое «конь»? — спросил я.

— «Конь» — почище чифиря будет, — хохотнул Сева, воспользовавшийся предоставленной возможностью съехать с неприятной темы. — Много чая, много кофе и банка сгущенки.

За разговором закончился чифирь, оставив на дне бледно-ржавый осадок.

Взгромоздив на шконку пачку прессы из толстой стопы газет и журналов, возвышавшейся в углу хаты, я жадно принялся за чтение, изголодавшись по новостям. Список изданий оказался внушительным — от «Коммерсанта» и «Комсомолки» до «Работницы» и «Мурзилки».

— А я все выписываю, — поймав мое удивление, пояснил Заяц.

— Все подписываются на издания, а Сева — на подписной каталог, — заржал Бубен.

— И сколько стоит это удовольствие? — не удержался я.

— Фигня. Что-то около двушки зелени в месяц, — отмахнулся Сева, Алтын злобно поморщился.

Расположение стола и шконок напоминало вагонное купе, только в купе поуютнее, а здесь поудобнее. Подобная мебелировка обеспечивала эстафетную бесконечность беседы, текущей в камере. Заяц, узрев во мне благодарного слушателя, ударился в вольные воспоминания, смакуя их пополам с тюремными байками. Было Севе Зайцеву двадцать четыре года, еврей по национальности, манерам, взглядам и суетливо-юркому уму. Свое гневное возмущение на обращение «Эй, жид!» со стороны блатных сокамерников он беспощадно давил в себе страхом, в ответ на сию бесцеремонность Сева обидчиво и беспомощно разводил руками: «Ну, зачем вы так».

По словам Зайца, он учился в двух аспирантурах и подавал большие надежды в отечественной науке. Себя Сева относил к «золотой» молодежи высшей пробы, в кругах которой был известен как «Сева-ГАИ». Хвастался близкой дружбой с Митрофановым и Кирьяновым... Свое погоняло «Сева-ГАИ» получил за способность решать любые проблемы, связанные с ГИБДД, на чем, собственно, и погорел. Подвели молодость и жадность. При обысках на квартирах у него нашли под миллион вечнозеленых, тридцать незаполненных «непроверяек», форму майора ФСБ с липовой ксивой хозяина погон, выписанной на Севу, и главную реликвию Зайца — комплект автомобильных номеров с надписью «Черный плащ».

От правосудия Севу спасали семь адвокатов, энергично, но бестолково.

Устав тарыхтеть, Зайцев достал «дембельский альбом», где вперемешку с похабными распечатками из Интернета он расфасовал личные фотографии.

— Вот этих, — причмокивая, Сева водил пальцем по фотографиям, — Листерман подгонял... Это мы в Барвихе... Это в Куршавеле год назад...

— Ты чего, сука, меня не понял?! — Свой вопрос сверху Алтын сопроводил гулким ударом по шконке, от чего затряслась вся конструкция.

— Зачем стучишь? — весь передернулся Заяц.

— Я тебе сейчас, жид, по чердаку стучать буду, — взбеленился Алтын от наглости соседа.

— Хорош, Серега, — жалостливо-заискивающе пролепетал Заяц, на что Алтын издал матерную тираду в адрес Сева и уставился в телевизор.

Отношения Зайца с Алтыном не задались с первого дня их знакомства. Когда Алтынова, Бубнова и вора Леху Хабаровского перекинули с пятого этажа в 308-ю, там уже прописались Сева Зайцев и Слава Шер, якобы наладивший производство фальшивых «полосатых» номеров. Шера увезли в суд на продление срока содержания, на хозяйстве оставался Черный плащ. Войдя в хату, вор и авторитеты увидели похабно развалившегося на нижнем шконаре юношу.

— По какой статье? — ошарашил молодой человек вопросом вошедших.

— Я жулик, — растерянно пробормотал вор.

— Двести девятая, сто пятая, — по инерции прожевали блатные.

— Ну, с тобой все понятно. — Сева взглядом оттеснил Хабаровского. — А вы, значит, людей убивали?! За деньги!

— Да, — буксанул Алтынов, по делу будучи в полном отказе.

— С каких группировок?! — с прокурорским задором продолжил Заяц.

— Я тебе, псина, покажу группировки! — первым очухался Алтын, нога которого в хлестком щелчке прошла в сантиметре от головы юноши, но тот успел вжаться в дальний угол шконки.

— Раскрутка голимая, Серега. — Бубен грудью заслонил Зайца. — А если оперская постанова?

С тех пор Сева жил под страхом неминуемой расправы, несмотря на то что грел хату едой и куревом на несколько тысяч долларов в месяц. Однако страх не останавливал Зайца в его стремлении поравняться с сокамерниками, что у последних вызывало в лучшем случае лишь насмешку. Однажды Сева доверительно сообщил Бубну, что имеет твердое намерение встать на блатную стезю. Намерение встретили с должным сочувствием.

— Масть — не советская власть, может поменяться. Для начала надо закурить. Без этого никак не получится, — авторитетно заявил бродяга некурящему юноше.

И Заяц начал курить. Много и часто, одну за другой просмаливал до фильтра и на последний вздох зажигал от окурка новую сигарету.

Бывало, по две-три зараз, до сильного кашля, до зеленых обмороков. Чернели легкие, но не масть. Вскоре было решено переходить ко второй ступени посвящения в уголовники.

— Слышь, Заяц, надо качать режим, — как-то на прогулке заявил Бубен.

— Как же его раскачаешь, на нашем-то центре? — почувствовав недоброе, пролепетал кандидат в блатные. — Ни дорог, ни телефонов, и хрен до кого достучишься.

— Вскрывать будем, — с похоронной торжественностью заявил Бубен. Стоявшие рядом Алтынов и Шер одобряюще мотнули головами.

— К-к-как вскрывать? — Сева начал заикаться.

— Как-как, всей хатой, — раздраженно уточнил Сергей.

— Ну, да. Утром перед проверкой заложим доминишками тормоза, чтобы цирики не вломились, — развивал мысль Бубен. — Дружно суициднемся. Часа на три нас должно хватить, за это время подтянем журналистов и выставим требования.

— Требования? — Севу перекосило.

— А как же! Телефоны, дороги, бухло, наркотики. Кокаина хочешь?

— Я не смогу суици... суици... калечить себя, — простонал Черный плащ.

— Эх, ни своровать, ни покараулить. Ладно, ты не волнуйся, мы тебя сами вскрыем. Вот так. — Бубен провел ребром ладони по сонной артерии юноши. — Шер, справишься?

— С удовольствием, — отозвался мошенник.

— У моего папы сердце больное, он не переживет. — Севу колотило.

— Зато по телевизору тебя увидит, — без намека на иронию подбодрил Алтын.

— Не гоните жути. Может, все еще обойдется. Условия примут, врачи успеют, — зевнул Бубен.

Сева лег на лавочку и не поднимался до конца прогулки.

По возвращении в хату день пошел по новой кривой. Алтын с непроницаемым видом взялся точить пластмассовый нож. Мерный скрежет пластика о железные нары звучал в ушах Зайца нарастающим набатом. Он давился куревом и панически перебирал в голове возможные варианты срыва. Увы, ничего порядочного в голову не приходило. И вдруг осенило! Раскопки в развалах газет и журналов увенчались успехом. На свет была извлечена «Работница» с иконой Михаила Архангела на одной из страниц.

Аккуратно вырвав образ, Сева умиленно обратился к блатным:

— Смотрите, это Сергей Радонежский. Ваш святой!

— И чего? Соскочить хочешь? — Бубен всегда старался смотреть в суть проблемы.

— Я?! Нет... — замялся Заяц. — Просто, если я погибну, папа не переживет. И на вашей совести будут две смерти. Нельзя, грех большой.

— Ты когда это верующим стал? — поинтересовался Алтын, аккуратно снимая с ножа пластиковую стружку. — Заяц, ты от греха подальше засухарись до утра, а то вскроем тебя не по расписанию.

После отбоя потушили свет. Зэки завалились на койки, в полудреме топчась по музыкальным телеканалам. Сева, дабы не раздражать общество, тихохонько сидел за столом в засаде на спящих сокамерников. Он твердо решил не смыкать глаз, угроза Алтына звучала как приговор. Взбадривал себя Заяц методичным уничтожением недельных запасов растворимого кофе и курева. Храп, раздавшийся сверху, стал для него сигналом к действию. Достав из баула блокнот, Сева судорожно вырвал страницу и крупными буквами написал: «Утром камера вскроется, заблокируют дверь, вызовут прессу. Меня хотят убить! Помогите!!!»

Засунув маляву в кальсоны, Заяц с кружкой направился к шипящему чайнику, руки ходили ходуном, но кофе на этот раз в его планы не входил. Налил кипятка, сжал зубы, зажмурился и плеснул на руку.

Сева взвыл благим матом, камера проснулась, вертухаи застучали в тормоза.

— Позовите, пожалуйста, врача! Я сильно руку обжег! — промычал Заяц, прижавшись щекой к штифту.

— А ну-ка иди сюда! — Сонный Бубен заподозрил подвох. — Давай сюда руку!

Все было взаправду. В натуральности ожога и искренности страданий Севы сомневаться не приходилось. Таких последствий от членовредительства не ожидал и сам пострадавший.

— Иди отлей на руку, debil, — участливо посоветовал Бубен. Заяц послушно пошкандыбал на дальняк.

Через десять минут «кормушка» отвесилась, в проеме замаячила медичка.

— Что у вас произошло? — Доктор недоуменно поморщилась от запаха покалеченной руки.

— Ошпарился, доктор! — прокартавил Сева, здоровой рукой незаметно просовывая в «кормушку» записку.

— Сам ошпарился? — скинув маляву в карман халата, недоверчиво уточнила врачиха, брезгливо натягивая перчатки.

— Сам, сам, — облегченно вздохнул Заяц. — Случайно получилось.

Обработав сваренную руку, медичка удалилась. Сева, распечатав очередную пачку сигарет, направился к дубку.

— Стоять! — заорал Бубен. — Куда пошел?

— В смысле, Серега? Чего ты? — залепетал Заяц.

— Тыкни кобыле под хвост! Все, теперь живешь у тормозов.

— Почему? — Сева начал заикаться.

— Зафаршмачился, народный целитель, сам себя обос...

— Ты же сам сказал?!

— А если я тебе скажу в, начнешь?

— Или уже начал? — ехидно подхватил Шер с соседней полки.

Зяец обмяк, сполз по стене на корточки и устался в пол.

— Ладно, утром посмотрим на тебя. Может, заработаешь себе скачуху, — зевнул Бубен, переворачиваясь на другой бок.

Скачуха Севу не интересовала. Ночь перевалила за экватор, реакции на записку не наблюдалось. Поскольку доступ к баулу был закрыт, пришлось воспользоваться клочком туалетной бумаги, на котором под шум воды Заяц накропал: «Заберите меня из камеры! Спасите!»

— Будьте так любезны, позовите, пожалуйста, врача. Пусть, если возможно, принесет обезболивающее, — заныл он, вжавшись губами в дверной косяк.

— Ты что такой тревожный? — встрепенулся Бубен.

— Рука болит, — проскулил Сева.

— Не помогает больше народная медицина? — загоготал Шер.

Железная форточка отворилась, в ней снова возник женский профиль.

— Сделайте что-нибудь. — Сева высунул наружу голову дальше руки, скинув в коридор очередное послание.

— Не волнуйтесь, все утром, — шепнула врач и громко продолжила: — Кроме но-шпы, ничего больше нет.

— Давайте. — Сева сгреб таблетки.

Ровно в семь включили свет. Все мирно спали. Один лишь Заяц, одев под утро толстый шерстяной свитер с воротом под горло, куртку с капюшоном и сверху замотавшись шарфом, изо всех сил таращил глаза, борясь с одолевающей дремотой. В тишине из-за двери отчетливо доносились шуршание, сопение вертухаев. Ждали представления, но оно не начиналось. Настало время поверки. Под лязг замка арестанты попрыгали со шконок, все еще пребывая в сонном забытьи. Вместо дежурного офицера в камеру ввалился «резерв» — тюремный спецназ в полной амуниции: маски, каски, щиты, дубинки. Из-за щитов выглядывала знакомая рожа капитана.

— В камере четверо. Все нормально, — доложил ся Шер, накануне назначенный дежурным.

— Точно все в порядке? — оскалился капитан.

— В порядке — спасибо зарядке. — Ошарашенный взгляд Алтына разрывался между ошетинившимися гоблинами и закутаным Зайцем.

Со Славой Шером и Зайцем вышла некрасивая, но очень живописная история. Заяц признавал в мошеннике неоспоримый авторитет, опору и защиту в непостоянстве тюремных будней. Но с появлением в хате блатных он решил поменять учителей, переметнувшись под бандитское крыло. Как-то раз, желая закончить пустой спор с Зайцем, Шер в сердцах назвал его петухом. На следую-

щий день во время прогулки Бубен, внимательно оглядев Зайца, спросил его:

— Сева, ты действительно дырявый?

— Нет, ты чего, нет, конечно, — замельтешил Заяц.

— Интересная фигня получается. Тебя Шер при всех объявил пидором, а ты смолчал.

— Серега, а что мне теперь делать?

— Если объявил, пусть обоснует. Обоснует — будешь курой, если нет — тогда должен с него спросить.

— Как это — спросить? — Предложенная альтернатива Севу не вдохновляла.

— Как с понимающего! — В глазах Бубна блеснул кровожадный огонек.

Спустя часа два сокамерники уселись за дубок. Заклокотал чайник, по кружкам захлюпал кипяток, поднимая со дна пряные россыпи.

— Слава, ты меня вчера петухом назвал, — без предисловий начал Заяц, косясь на Бубна.

— Ну и что? — зевнул в ответ Шер.

— Обоснуй! — Дерзость была напускной и фальшивой. Заяц геройски посмотрел на Серегу, тот одобрительно кивнул.

— Без объяснения причин, — отрезал Шер.

Заяц не растерялся. Схватив кружку Алтына, он резко плеснул содержимое в лицо обидчику.

Кипяток плетью врезался в кожу, оставив на щеке и шее мошеника размашистые рубцы. Шер не успел матерно взвыть, как под грохот тормозов в хату влетели вертухаи...

После моего заезда Заяц пробыл в хате четыре дня, не переставая развлекать и раздражать окружающих.

Модным аксессуаром среди сидельцев изолятора были беруши. Их периодически запрещали и изымали, но Севу эти репрессии обходили стороной. И вот, затромбовав берушами уши, Плащ наслаждался послеобеденным сном. В камере дым стоял коромыслом: шла непрекраща-

ющаяся готовка, перед штифтом мелькали спины, заслоня нижнюю шконку с похрапывавшим юношей.

— На «З» с документами, — раздалось с продола.

В целях конспирации сотрудники изолятора при вызове арестанта обязаны называть одну лишь заглавную букву его фамилии.

— Сейчас, старшой, позову его, — доброхотом откликнулся Бубен. — Заяц, просыпайся, зовут тебя.

Но то, что слышал выводной, не мог слышать Сева с набитыми поролоном ушами. Зато вместо него и под него, ломая голос и картавя, прокричал Бубен:

— Через пару часов приходи!

— Чего ты сказал?! — возмущенно донеслось по ту сторону порога.

— Я даже для тупых мусоров два раза не повторяю. Отвали, я сплю. — Серега прекрасно справился с закадровой озвучкой.

— Да я сейчас резерв вызову! — В хате запахло грядущей расправой.

— Пошел ты в ж... со своим резервом, мусорюга! — Хата дрогнула от хохота. Но, решив не дожидаться атаки гоблинов, Бубен в последний момент тряхнул Севу. Тот подпрыгнул, ударившись головой о верхний шконарь, выдернул беруши и поскакал к тормозам выяснять причину трехэтажного гнева вертухая...

То были истории моих сокамерников, в которых тюрьма окрашивалась в новые, пока непонятные мне цвета.

Ощущения от происходящего в первую неделю на тюрьме очень разные, яркие, но в большинстве своем смутные и тягостные. Здесь это называют «гонкой». «Гоняют» все, кто постоянно, кто периодически. Неимоверно трудно смириться с мыслью, что тюремная реальность отныне данность, которой не избежать, что жизнь резко и безвозвратно сменила русло, течение по которому не остановит ни одна плотина. Гулкой болью бьет по вискам

звук топора в саду, который ты сажал, лелеял, сберегал. Все, чем дорожил, что наполняло радостью и смыслом твое существование — теперь безжалостно рубится и выкорчевывается, оставляя в сердце пустырь и пепелище. Словно «Вишневый сад», только без антрактов, оваций, театральной бутафории. От тоски рецепта нет, тоска — самый суровый приговор, который ты выносишь себе сам по требованию судьбы. Как спастись? Мысленно отречься от свободы, определить, что хорошего может дать тебе тюрьма, и постараться не вспоминать, что она отнимает. Во что бы то ни стало сохранить нервы и здоровье.

Но над чем плачут в одиночестве, хором — смеются. Арестантское житье — горькое веселье. Стадный цинизм оказывается очень даже полезным и действенным в борьбе с индивидуальным тюремным психозом.

В первую ночь в новой обстановке я заснул быстро под телевизор и густой табачный смог. Часа через четыре проснулся от холода. Натянул на себя все, что было — куртку, шапку, перчатки и снова провалился в сон. Ровно в семь утра разбудил треск накаляющихся галогенок — подъем! Чтобы не загреметь в карцер, надо заправить шконку и одеться, хотя и так все спали в одежде. Еще немного погода брякнула кормушка.

— Завтрак! — раздался неприятный женский голос.

— Не будем! — сквозь дремоту крикнул Бубен вслед захлопывающемуся окошку. Минут через двадцать, словно передернутый затвор, громко лязгнул металл.

— Что это? — вздрогнув, поинтересовался я.

— Тормоза разморозили, — не вдаваясь в детали, пояснил Алтын. — Сейчас проверка придет.

Пока выходили на середину камеры, дверь открылась, и порог переступил плешивый, низкорослый, с отвислым мамоном капитан, за которым толпились пятеро в камуфляже.

— Доброе утро! — Офицер огляделся по сторонам.

— В камере пятеро человек. Все в порядке, — бойко доложил самый молодой.

— Вопросы есть? — продолжил капитан. Хата лениво мотнула головами.

— Тогда по распорядку. — Служивый забрал стопку заявлений и вышел из камеры.

Хата ожила. Поставили чайник. Вся кухонная утварь, за исключением чайника да еще положняковой алюминиевой посуды — миски, ложки, кружки — пластиковая: терка, дуршлаг, разделочная доска, плоски, чашки, нож. По мискам запарили овсяные хлопья, добавив в разбухшую серую массу немного тертого сыра. На пробу было непривычно, но вкусно.

После трапезы повели на прогулку. Как только вывели из камеры, сразу: «руки на стену, ноги на ширину плеч!» — неполный личный досмотр; перемещения по тюрьме — руки строго за спиной. Поднялись на седьмой этаж — такой же коридор с нумерованными дверями, за которыми крохотные прогулочные дворики размером с камеру. Пол во дворике закатан асфальтом, посередине вмурована металлическая лавка. Бетонный колодец метра четыре глубиной сверху был закрыт мощной решеткой и железной сеткой. От дождя, снега, солнца и неба арестантов укрывает высокая оцинкованная крыша, под козырьком которой дефилирует вертухай. Расстояние в метр между краем крыши и стенкой колодца скрадывают сетка и двойная колючка. Над двориком свешиваются фонарь и динамик — радио орало так, чтоб не слышно было гуляющих за стенкой эзков. Все продумано. Ни одной детали зря.

Кружит поземка, ощущение холода не перебивается ни надвинутой на глаза шапкой, ни зимними башмаками, уступленными мне Бубном. Иллюзию теплоты создает лишь сигарета, согревающая воображение обжигающей пурпурной окаемкой. Дружно закурили.

— Женат? — спрашивает Бубен.

— Теперь уже не знаю, — грустно хмыкаю я в ответ.

— Сел в тюрьму — меняй жену, — назидательно изрекает Алтын.

— Они редко дожидаются, — добавляет Бубен.

К горлу подступает комок. Я поднимаю голову и от-
решенно вглядываюсь в самую желанную полоску на
свете — волю, зимней серостью растворявшую стальные
заросли проволоки.

— Вань, здесь самое главное — не гонять, — нару-
шает мое тоскливое созерцание Алтын, протягивая си-
гаретную пачку.

— Легко сказать, Серега...

— Знаешь, это как гнилой зуб: дергать больно, тя-
нуть еще больнее. Чем дольше тянешь, тем сильнее и
бесконечней боль. А резко выдрал, сплюнул, пару дней
поболело, через неделю и думать забыл.

— Зубов до хрена, сердце одно — не вырвешь.

— Ну, это у кого как. Сидел я с одним рейдером.
Так он пять месяцев со шконки не вставал, все ныл, что
там кто-то спит с его бабами. Быстро спекся. Здесь или
нервы побеждают тебя, или ты побеждаешь нервы. Да и
вообще, зашивай горе в тряпочку. Мне лично здешнего
головняка с лихвой хватает, чтобы еще о вольных замо-
рочках гонять.

— Неужели все так скучно?

— Этот централ — единственный в своем роде. Счи-
тай, что научно-исследовательский институт. Разбирают
и собирают каждого по молекулам по несколько раз.

— Как это?

— Начинают от пассивного составления твоего де-
тального психо-физиологического портрета, а заканчи-
вают провокациями, направленными на изучение прини-
маемых тобою решений в состоянии аффекта. Мы здесь
как собаки Павлова: то жрать дают, то глотки режут.
И все во имя науки и правосудия.

— Мрачновато. — Я недоверчиво покосился на собеседника.

— Скоро сам все поймешь. Каждое твое движение, слово — точкуются. Ни одна хата не обходится без суки. Постоянно прививают изжогу...

— То есть?

— Вот смотри, опера просчитывают твои самые болевые точки и начинают на них давить. В первую очередь это что или кто. Как правило, это жена, дети. Если это так, ты начинаешь получать письма от всех, кроме них. И так месяц, два, три, полгода. Называется — «сколько можно мучиться, не пора ли ссучиться».

— Люто!

— А ты как думал? Все бы отдал, чтобы с прожарки этой сорваться. — Серега помолчал, сделал пару затяжек. — Случайностей здесь не бывает. Одна сплошная оперская постанова. Через полгода сдают нервы, начинаешь точить клыки. Уже и кормушку ногой выбивали, и продол заливали, и оголенные провода на тормоза кидали.

— Ну и?

— Ничего. Списали с лицевого счета пятихатку за ремонт кормушки. Воду убрали. А то, что какого-то сержанта — сироту казанскую трошки током тряхануло, вольтами брови повыпрямляло, — это вообще мало кого заботит. Неделя, максимум две карцера, и все по новой. Эх, поскорей бы на зону!

— А как здесь со спортом? — Я попытался свернуть с тоскливой темы. Грусти на сегодня и так через край, но не тут-то было.

— Как и с остальным. Только втянешься в режим со спортзалом, тебе тут же его заморозят. Две-три недели регулярно водят, потом — бах, забудь месяца на три. Но если во дворике будешь ногами махать, Ван Дама из себя корчить — заточкуют как опасного каратиста, влепят в дело полосу, чтобы по приезде в зону гоблины из тебя

последнее здоровье выбили. Короче, поплаваешь здесь до весны, сам во всем разберешься.

— Благодарю за науку.

— Судьбу благодари! — усмехнулся Алтын. Потянулись на выход к заскрипевшим тормозам.

С прогулки подняли обратно на этаж. Термин «опустили» здесь используется обычно по другому назначению, поэтому глагол «поднять» применяется ко всем разнонаправленным перемещениям по тюрьме. Перед заводом в камеру традиционный обыск: «руки на стену!», «ноги на ширину плеч!», удар берцем по внутреннему ребру ступни, чтобы раскорячить тебя, как натянутый парус, и тщательное прощупывание одежды.

Сегодня суббота. Все оперативно-следственные мероприятия отложены до понедельника. Зэки тоже имеют право на выходные. Бубен принимается кашеварить. Своими кулинарными талантами он гордится и всюю пользуется ими на радость хате. Бубен утверждает, что он по специальности повар, а мать его в свое время трудилась шеф-поваром в «Праге». Местную баланду есть невозможно — макароны, перловка, пшено, сечка, ячка, разваренные в склизкую кашу, обильно сдобренную комбижиром, напоминают корм для скота. Частицы мяса, случайно попадавшие в этом месиве, баландерши остроумно называли «волокнами». Отсюда оригинальное название блюд: перловка или макароны «с волокнами». Обязательные в арестантском рационе супы обычно порожково-гороховые, щи или борщ — из замороженной почерневшей капусты и гнилой свеклы, отчего бульоны отсвечивают серо-бурой радугой. Остается надеяться только на передачи — по местному «дачки» — да на ларек.

Бубен неумоимо трудится над дубком, разгоняя тоску и с пользой убивая время. Рецепты разные, технология одна. Плиту, кастрюли и сковороды заменяет классический советский металлический двухлитровый электро-

чайник с медной спиралью. В доведенную в чайнике до кипения воду забрасываем мелко нарубленную морковь, минут через десять — нашинкованный лук, затем капусту. Добавляем растительное масло и соль. В овощную суповую основу вместо мяса кидаем кусочками нарезанную колбасу. Чайник выдергиваем из розетки, накрываем стол. К горячему вдобавок — морковные салаты, творог со сгущенкой, запариваем гречневые или овсяные хлопья, куда добавляем тертый сыр. Жить можно. Однако передачи имеют свойство заканчиваться, а ларька приходится ждать по два месяца. День-другой разгрузочной «голодовки», и «на ура» идет баланда.

Горячая еда — это не только здоровье, это способ согреться. В середине декабря мороз не лютовал, но нас это не спасало. Внешняя стена промерзает насквозь, покрываясь ледяными пупырышками, словно гусиной кожей. И если днем греешься едой, куревом и чифирем, то ночью приходится худо, особенно с непривычки. Перед сном я натягиваю на себя всю одежду, которая есть, в том числе три пары носков, шапку и шерстяные перчатки. Однако ближе к утру, просыпаясь от холода, мастыришь грелки из залитых горячей водой пластиковых бутылок. До подъема хватает. Рванный мерзлый сон восполняешь днем: после наваристого обеда глаза сами собой слипаются, остается лишь занырнуть под фуфайку и часа два блаженственно давить шконарик.

— Может, в нарды? — предлагает мне Бубен, доставая деревянную коробку.

— На просто так, — скалится Заяц.

— На просто так ты со своими корешами дырявыми будешь шпилить, — рывкнул Бубен, обнажив пару одиноких зубов (остальные, как утверждает, выбиты при задержании).

— Играем без интереса.

— «Просто» — это жопа! — заливаясь смехом на верхней шконке, прокомментировал реакцию Бубнова Алтын.

Расставили фишки, кинули кости. Удивительно, но первая партия оказалась за мной. Бубен лишь сокрушенно качал головой и по новой расставлял нарды. Но дальше начался разгром: Бубен сравнял счет «марсом» (два очка за победу), потом вышел вперед «коксом» (три очка), далее последовала простая, опять «марс»... На счете 10:2 довольный Бубен предложил передохнуть.

Заварили чифирь — пустили по кругу.

— Давно сидишь? — интересуюсь у Бубнова, закусывая шоколадом чайную горечь.

— Одиннадцать месяцев уже да четыре в Загорской тюрьме.

— Как здесь народец?

— Необычный. Считаю, почти по всем громким делам: «ЮКОС», «Три кита»... кингисеппские, орехово-медведковские: Генерал, Карлик, Грибок, два Солдата...

— Солонник отсюда сбежал?

— Ушел, как дети в школу. Точнее, вывели. Он в четыре утра с прогулочных дворишков спустился, тогда еще крыши не было, на глазах у арестантских близких с большой «Матроски», стоявших в очереди с дачками. Так ему вся эта толпа аплодировала. Кстати, Саша Копцев здесь недавно сидел.

— Это которого в синагоге порезали да еще дали, сколько не живут?

— Ага. Его сразу с Петровки к нам в хату закинули. Дело менты за неделю закрыли, еще на Петраха.

— Как это?

— Он мне так рассказывал. Представляешь, говорит, посадили меня на Петровке к двум жуликам. Они прямо так и сказали, мол, мы воры в законе. Саша, говорят, со следствием надо сотрудничать, и даже чистиху помогли написать. Подсказали-продиктовали, короче, за вечер

уложились. Теперь, говорят, проблем у тебя не будет. Потом вызывает его следак и говорит: «Саня, если бы не мои погоны, с тобой бы пошел жидов резать. Все, что смогу, для тебя сделаю. Ты пока расскажи без протокола, по-дружески, что там случилось». Копцев и повелся на эту шнягу, исповедался перед мусором. А тот еще ему и говорит: мол, ты не обращай внимания, что я пишу, это совсем другое дело, зашиваюсь, ничего не успеваю. Потом просит его подписать там-то и там-то. Копцев спрашивает: «Что это?» Следак отвечает: «Справка, что ты у меня сегодня был». Саша и подмахнул собственный приговор. Жалко парнишку. Хотя воля для него беспросветней тюрьмы была. Ни работы, ни учебы, еле концы с концами сводил, на еду и то не хватало, да еще и сестра умерла... А паренек духовитый, на зоне может далеко пойти. Он тут с Гимрановым сцепился...

— Подожди, подожди... Это который подельник Шутова?

— Да, которому в оконцовке пыжик (п. ж. — пожизненное заключение. — *Примеч. авт.*) выписали. Гимранов по первости на Сашку жути гнал: «С такой статьей тебе на зоне петля... Ты людей хотел гасить за их национальность». Как-то раз что-то готовили, а Копцев спал в это время. Я говорю Гимранову, что надо морковку натереть. Тот начинает трясти спящего Копцева, бить его по щекам и орать: «Ты, сука, не слышишь, что тебе старшие говорят!» Саня спросони наотмашь хлопнул по чердаку этому «старшому». Делать нечего, пришлось вмешаться мне, выломить Гимранова из хаты, а то забил бы Сашку.

— Не скучно у вас.

— Теперь и у вас. Недавно с Мавриком месячишко скоротали.

— С каким Мавриком?

— Ну, с Мавроди.

— Он тоже здесь?

— Уже как четыре года. Сидится ему сладко, как никому. Личный повар с воли пожрать загоняет: медвежатину, оленину, устрицы, крабы. С администрацией договорился — лампу с переноской затянул. Днем спит, ночью хрень всякую пишет и пресс качает как одержимый, по паре тысяч раз за подход. Чистый черт, грязно-мазый, носит разом по три пары носков.

— Зачем?

— Чтобы не поддувало. Носки-то все дырявые и протертые, но в разных местах. И так во всем.

— Чего его здесь держат?

— Где ж его еще держать? Такой заморозки больше нигде нет. С него бабки хотят получить, а он артачится.

— За свободу можно поделиться. Надо же быть таким жадным!

— Жадный, но не тупой. Маврик, когда граждан на билетах-то разводил, наличку в квартирах складывал. Бабло считали комнатами. После раскулачки у него хата осталась, где маются семь миллиардов зелени. Ему чекисты говорят: давай два ярда и свободен. Понятно, что если им дать ключи от квартиры, где деньги лежат, они заберут все, а этого демонюгу отправят зону топтать. Это при самых благоприятных для него раскладах. Маврик, естественно, буксует, тянет время, четыре года с мусорами компромиссы ищет.

— Крутоваты суммы.

— А какими же еще быть? Полстраны выставил. Сыта свинья, а все жрет.

Около восьми вечера кормушка открылась, сиплый голос спросил: «Врач нужен?»

Арестанты потянулись за таблетками от головной боли, поноса, изжоги, по дороге придумывая недуги, чтобы приболтать врача-лепилу, — заглушить скуку. Впрочем, Алтына действительно мучили головные боли от контузии, а Бубна донимали язва и гепатит. Тюрьма здоровья не прибавляет.

В девять над тормозами зажглась лампочка, на проходе загремели двери — вечерняя поверка. Через пару минут в хату вошел дежурный, в точности повторив утренний церемониал. С этого момента можно лезть под одеяло. В 22.45 выключили галогенки. Мои первые сутки на тюрьме подошли к концу.

В воскресенье вместо прогулки нас ведут в «спортзал», оборудованный в противоположной камере и по своим размерам рассчитанный на восемь пассажиров. Вместо коек и стола на деревянном полу стояли две атлетические скамьи, две стойки со штангами, три шведских стенки, две сломанные беговые дорожки, допотопный велотренажер, универсальный «Кетлер», бесполезный за неимением приводных тросиков, на полу валялись две пары гантелей. За этот спортивный восторг хата официально платила 700 рублей в час.

Тренером выступил Бубен, задававший темп и последовательность упражнений. Он бинтом привязывал двадцатикилограммовую гантель к искалеченной руке, в ловкости и отлаженности движений не уступавшей здоровой. В «спортзале», точнее, спортхате, почти не до разговоров, выкладывались по полной. К финишу руки налились свинцом, футболка набухла липкой влагой.

По возвращении «домой» начались банно-прачечные движения. По карусели мылись, стирались, заодно наводили порядок в самой хате. В хозяйственном отношении в коллективе царили семейственная идиллия и равноправие, на которые личные осложнения между сокамерниками никак не влияли.

Между тем тучи над Севой стремительно сгущались. От суровой расправы его спасало лишь бдительное око продольного. Масла в огонь подливали постоянные вызовы Зайца к операм, что давало лишний повод блатным видеть в нем суку и интригана. Осознавая всю тщетность оправданий, Сева жалко лебезил перед авторитетами в надежде выкрасть у судьбы еще денек пацанской доли.

В ответ на очередную матерную тираду Бубна гламурный мальчик, завсегдагай «Дягилева», «Феста» и Куршавеля, «майор ФСБ» нежно брал за руку наркобарона, жалостливо заглядывал ему в глаза и, подвхлипывая, грассировал на местечковый манер: «Сехгей, ну зачем ты такое говоришь?» Брезгливо-снисходительную улыбку Бубна Заяц воспринимал как заветную отсрочку экзекуции и, подбоченясь, в своем костюме ихтиандра отплясывал на радостях «семь сорок» возле дальняка под негритянский рэп телевизионной музыкалки.

— Как ты думаешь, мне разрешат на суд пригласить Сережу Зверева, чтобы он меня постриг? — как-то раз полюбопытствовал у Бубна Сева.

— Проще голову в парашу обмакнуть. Так и красоту наведешь, и местечко себе под шконкой забронировуешь.

Через пару дней Зайца забрали из хаты, к большой досаде соседей.

— Сам, сука, на лыжи встал («встать на лыжи» — сломиться с хаты, по тюремным понятиям, запахло. — *Примеч. авт.*). С опером договорился. — Бубен был категоричен. — Мы же на него ларек выписали тысяч на шестьдесят. Вот и встретили Новый год! Забрали булку с маслом.

— Черт с ним. — Алтын не разделял уныния сокамержника. — День-два, и я бы на этой животине по сто пятой раскрутился.

— Проехали, — вздохнул Бубен. — Глядишь, к праздникам заедет какой-нибудь да комерс.

Но на следующий день вместо комерса на пороге с матрацем под мышкой возник молодой человек лет двадцати восьми. Спортивная, но уже поплывшая и сгорбленная фигура, напряженный пляшущий взгляд, скромные пожитки, уместившиеся в одном пакете, проявляли портрет стрелка или бандитской сошки.

Бросив вещи на пустую шконку, бродяга поздоровался, представившись Максом.

— Сто пятая проклятая? — спросил Алтын, отрешенно улыбнувшись.

— Так, — в растяжечку произнес вновь прибывший, исподлобья рассматривая сидельцев. — Грузят, как самосвал.

— Встал под загрузку — грузись, — монотонно изрек Алтын.

— Что-то громкое? — поинтересовался Бубен.

Парень замялся, подобные откровения да еще и в незнакомой компании были ему явно не по душе.

— Убийство... эта... — промямлил он, — Козлова.

— Зампреда ЦБ?! Так это вас недавно приняли? Как там твоя фамилия? — Бубен почесал затылок. — Половинкин? Четвертинкин?

— Прогляда, — буркнул Максим. — Тот, которого ты назвал, — мой подельник.

— Понятно с тобой, — протянул Алтын и прибавил звук в телевизоре.

Больше Прогляду никто расспросами не донимал. Дело было уже после отбоя. Вскоре в хате раздался мирный дружный храп.

Следующий день ознаменовался приходом начальника тюрьмы. Вошел невысокий, худощавый товарищ в дорогом, идеально выглаженном костюме, черный узкий галстук завязан по чекистской моде мелким узлом. Лацкан полосатого пиджака украшал значок с летучей мышью.

Последним навстречу хозяину со шконки слез Прогляда, приняв расслабленную стойку уставшей путаны.

— Как вы стоите? — вместо «здрасьте» изрек начальник, обращаясь к Максусу.

В ответ Прогляда вальяжно перевалился с ноги на ногу и грозно зыркнул на хозяина, мол, иди куда шел. Доморощенный стрелок явно играл на публику, пытаясь утвердиться в коллективе.

Как только за начальником громыхнули тормоза, Прогляда, окинув хату орлиным взором, резюмировал:

— Совсем мусор попутал... «Как вы стоите?» Пошел бы он...

Однако все получилось с точностью до наоборот. Не успело общество оценить дерзость и патетику гражданина Украины, как в дверь застучали: «Всей хатой, с вещами по отдельности!»

— Слышь, ты, чмо, тебе кто разрешил хлебало разинуть? — первым от такой неожиданности пришел в себя Алтын.

— Да ладно тебе, братан, — не успев выйти из образа, ляпнул Прогляда.

— Твой братан за Амуром желуди роет!

— А че он того... Как он, эта... разговаривает... Нормально я стоял, — беззубо парировал Прогляда, в ежовый комок свернувшись на шконке.

Камера в злобном трауре молча принялась скручивать хозяйство. Провизия делилась поровну, разбирались и расфасовывались по тюкам доселе аккуратно выстроенные стеллажи из провианта. Вскоре хата стала похожа на разгромленный продсклад. Прогляда беспрестанно курил, стараясь ни с кем не пересекаться взглядом. Он даже покаянно отказался от дежурно предложенной пайки, заглушая голодняк никотином. На мешках просидели почти до отбоя, пока с подола не донеслось глумливо-задорное: «Переезд отменяется!»

Все вздохнули облегченно, кроме Прогляды, у которого сорвалось расставание с опасными попутчиками. Но горевал он недолго, быстро оценил продуктовый потенциал хаты, и, что главное, казалось, неисчерпаемые запасы сала. Дорвавшись до буфета, Прогляда остановиться уже не мог, поглощая постоянно все подряд. Сжирался весь неликвид, выкинуть который не поднималась или не дошла рука: рыба с душком, пожелтевшее сало, подкисшее молоко, пластмассовые запарики. На прогулки Максим не ходил, используя любую отлучку сокамерников, чтобы вольготно похозяйничать в холодильнике.

нике. Любимым блюдом Прогляды было порошковое картофельное пюре, заправленное колбасными ошметками и селедкой. Сей гастрономический писк он ласково именовал «оселедица с картоплей».

Буквально через пару дней по телевизору пошли сюжеты, посвященные убийцам первого зампреда ЦБ и его шофера. Увидев себя по ящику, Прогляда преобразился, подтянул живот, крутанул грудь, на лице заиграла горделивая улыбка. Между тем с экрана повествовалось о «жестоких бандитах», некогда входивших в Луганскую организованную преступную группировку, оборвавших «славный трудовой путь» банкира Козлова.

— Слышь, Максе! Рассказывай, как было. Ты же в раскладах, — прервал Бубен вождественное самолюбование Прогляды.

— Я не хочу об этом говорить, — смутился стрелок.

— Ты че, хохол, сухаришься? — раздраженно продолжил Бубен. — Сам раскололся до жопы, вся страна знает, как ты водилу мочил, а здесь говорить не хочешь? Или ты только с мусорами откровенничаешь?

— Денег-то тебе обломилось? — спросил Алтын.

— Пятерка грина, — сквозь зубы процедил хохол.

— Конченные дебилы! Это ж надо за пятеру в такой блудняк вписаться! Вы что, не знали, на кого заходите?

— Знали бы, не влезли, — робко огрызнулся Прогляда.

— Знал бы прикуп, жил бы... Вы ж его пасли?! А у нас граждане на «полосатых» номерах не ездят.

— Сказали же по ящику, — уточнил Бубен, — что не курсанули, кого валить придется. А как прочухали, кого зажмурили, решили тупо сдать.

— Гонят они, — возмутился стрелок. — Это дружок мой с мобилы бабе своей позвонил на домашний. Ну, мусора его и пробили.

— За пять тысяч долларов, — задумчиво произнес Алтын. — Так вы, получается, энтузиасты-бессеребряники. Вы хоть магнитолау из «мерса» выдрали?

— Только золотые фиксы у жмуrow, — заржал Бубен под скрежет зубов Прогляды.

— Ну, теперь киллеры-гастарбайтеры за козла ответите. Пыжик — не пыжик, а двадцатку выхватить проще некуда.

— Мне за чистуху обещали не больше червонца.

— Сколько можно мучиться, не пора ли ссучиться! Не знаю, как у вас в Луганске, а у нас чистосердечное признание смягчает вину, но увеличивает срок. В России вернее с цыганами договориться, чем с мусорами, — сочувственно изрек Алтын.

— Значит, сдал корешей, как пустые бутылки, — резюмировал Бубен, на что голова Прогляды резко нырнула в плечи. — Анекдот в тему: один хохол — гопник, два — банда, три — партизанский отряд, четыре хохла — партизанский отряд и один предатель.

На следующий день, с утра пораньше Бубна выдернули опера, по возвращении от которых его негодованию не было предела. Со слов Сергея выходило, что Сева настрочил на него и на Алтына несколько заяв об угрозах расправы и вымогалове. Бубен немедленно заклеил Зайца петухом и сукой. От соответствующей сопроводилки по тюрьме Севу-ГАИ спасало лишь полное отсутствие межкамерных коммуникаций, за исключением «доски объявлений» — широкой деревянной планки под вешалку в душевой. Однако краткие надписи, ручкой выцарапанные на дереве, были безымянны и оперативно затирались вертухаями. Неприкосновенными оставались лишь те послания, которые устраивала сама оперчасть для дискредитации определенных сидельцев в глазах тюремной общественности.

Первые недели кипучая суeta тюремных будней проносилась мимо меня. Я пребывал словно в коме, в пси-

хологической коме. Вокруг лихо закручивалась арестантская жизнь с острыми сюжетами и интригами, ценностями и мерзостями, правилами и понятиями, я ощущал ее физически: кожей, носом, ушами, но духовно меня там не было. Мое тогдашнее состояние сродни мгновениям после пробуждения: видишь кровать, люстру, шторы, слышишь дребезжание будильника, но сознание все еще продолжает переживать бурные перипетии сновидений. Здесь эти мгновения растянулись в недели. По-настоящему я оживал только в письмах, где окружающая действительность преломлялась через разум, отражаясь на клетчатых листках осмысленным изложением. Писал не для того, чтобы быть прочитанным, а дабы вернуть душе дорогие образы. Разговаривал с сокамерниками и не слышал самого себя, но каждое слово, высказывавшее из-под «шарика», казалось, обретало голос громадной силы, важности и убежденности, захватывало воображаемого собеседника и возвращало меня домой.

По-настоящему я просыпался только во сне. Любые грезы были понятней, ближе и реалистичней каменного мешка, километров колючки и пронзающего до костей холода.

На третий день пришла посылка, зашла дачка, как здесь говорят: чай, конфеты, шоколад, сахар, сало, колбаса, масло, сыр. Все сладкое и жирное — у родных сработал стереотип «голодной тюрьмы». Плевать было на еду, очень не хотелось отдавать бланк о получении передачи, заполненный материнской рукой. С воли передали вещи: толстенный шерстяной свитер и самое ценное, что только можно было вообразить, — фуфайку. Обыкновенную рабочую фуфайку, синюю, ватную, спасительно теплую. В эту ночь я в первый раз выпался: ноги по пояс засовываешь в свитер, фуфайку — на оставшуюся человеческую половину, — блаженство.

Дни неслись быстро, изматываяще и бестолково. Постоянно ели, качались и чифирили, последнее, чтобы

разогнать кровь и просто от безделья. Чифирили под шоколад, курево и даже воблу. В качестве альтернативы чифирию мастырили тошнотворного «коня» или бросали в смолянистый отвар горсть донормила, после такого компота топорщились волосы и таращились глаза. Много курили, за день уходил блок. Для меня курево стало спасением от... курева. Куришь, чтобы не задыхаться от дыма, чтобы не чувствовать смрад хабариков, въевшийся в полотенце, постельное белье, одежду, волосы. Дурацкий замкнутый круг.

Сидели весело, даже смешно. Чтобы не плакать, в тюрьме смеются. Сначала остроумие и злословие оттачивались на Зайце, потом на Прогляде. Но дальше анекдотов и тюремных баек разговоры не шли. Всякая другая тема на этом централье могла привести к «новым обстоятельствам по делу».

Как-то Алтын с грустью завел разговор о родном Питере, быстро съехав на политическую конъюнктуру северной столицы: «Тетья Валя — формальность и недо-разумение, реальный губернатор — Кумарин. В Питере последнее слово всегда за ним».

Удивительно, но в тюрьме очень часто слова материализуются. Стоит только вспомнить о семье, и именно в этот день придет письмо из дома. Порой темы разговоров сидельцев, будто подслушанные, тут же начинают звучать по телевизору. Напоешь мотив всплывшей в памяти мелодии, можешь идти включать радиоточку и слушать ее в оригинале. Не случайно сонник Миллера — одна из самых востребованных книг на централье. И вот спустя буквально тридцать минут после упоминания всеу Барсукова-Кумарина в камеру завели свежего постояльца.

Подтянутый, годами слегка за сорок, он вошел в хату уверенно, не по-хозяйски, но с видом долгожданного гостя. Вещей не было вовсе, за исключением казенки. Ду-тая ярко-красная куртка «айсберг» подчеркивала спор-

тивную выправку. На лице играла сдержанная волевая улыбка, глаза в хитром прищуре скорее сравнивали и сопоставляли, нежели удивлялись, что выдавало в нем человека, не понаслышке знакомого с российской пенициарщиной. Поздоровался, представился Славой, познакомились.

— Сам откуда? — поинтересовался Алтын.

— Из Питера.

— Выходит, что земляки мы с тобой.

— Даже здесь наши. А я близкий Сергеича, — сразу обозначился Слава.

— Понятно, — нараспев произнес Алтын, бросив на меня изумленный взгляд. «Сергеич» в Питере звучало не менее убедительно, чем Барсуков, Кумарин, или просто Кум, правой рукой которого следствие считало нашего нового соседа.

— Сюда-то какими судьбами? — присоединился к разговору Бубен, явно не испытывавший приливов гостеприимства.

— Сняли с рейса, домой собирался лететь. Маски-шоу устроили прямо в самолете. Причем, суки, закрыли технично, задним числом объявили в розыск, и лишь по этому единственному основанию суд принял решение об аресте. А это что за централ?

Далее последовал матерный, но емкий комментарий. Слава с сочувственным эгоизмом посмотрел на нас.

— Я-то здесь проездом, меня везли на «пятерку» (ИЗ-77/5 — «Водный стадион». — *Примеч. авт.*), но у мусоров на полпути бензин кончился. Сказали, что сегодня здесь переночую, а завтра дальше поедем.

— Шуткуют мусора. Ты не первый, кто сюда с такой хохмой заезжает. Здесь транзитных нет, сидят плотно, решение о размещении официально принимает заместитель Генпрокурора.

Разговор продолжили за подоспевшим чаем и наскоро собранной поляной.

15 января 2007 года нашу хату заказали с вещами, оставили только Алтына. Это был мой первый переезд, к которому, как ко всему новому и непонятному, я подошел нервно, да и за месяц уже успел попривыкнуть к соседям.

— По ходу решили Алтына на заморозку посадить, — предположил Бубен. — Надо еды побольше оставить.

Сказано — сделано. Холодильник разгружать не стали, подобрали овсяные и гречневые хлопья, по куску сыра, по пачке майонеза, по пакету молока, на карман — карамели. Упаковав баулы и вытащив их на середину хаты, посворачивав матрасы, заварили чифирь, распечатали блок сигарет. Первым забрали Прогляду, потом пришли за мной. Под визги сирены и строгие молчаливые взгляды вертухаев я зараз поднял вещи на шестой этаж.

Шестой этаж разительно отличался от третьего, как пять звезд — от приемника-распределителя. Свежая зеленая краска, «накрахмаленные» потолки, на полу ковровые дорожки. Остановились возле 609-й, делившей стену с лестничным пролетом. Хрум-хрум, и цирик вскрыл камеру. Тормоза, упершись в фиксатор, образовали узкий проход. Проткнув вперед сумку, я с трудом протиснулся внутрь.

Тусклый свет растворял хату полумраком, обостряющим апатию и беспокойство. Это была трехместка. Шконки стояли вдоль левой стены. Одинокая — напротив дальняка, двойные — следом, возле окна. Вполне цивилизованная обстановка. Узкий железный шкаф с двумя тумбочками, приделанный к правой стене аккуратный дубок, над ним завис дээспэшный буфет. Нижняя и верхняя шконки перехвачены лестницей, унитаз огорожен высоким «слоником» (бетонной оградкой), на полу красовался крупный кафель. Но ни холодильника, ни телевизора. Даже сушильных веревок на решке не было. Лишь на дальней шконке сидел маленький черный человечек с опасно дрожащими угольками глаз, слабо тлеющими, почти затухающими. Ничего человеческого в

этих глазах, и животного мало, преобладало одно лишь насекомое, вселявшее жуткую оторопь. Представьте муху в человеческий рост, и вы поймете природу моей жути. Муха назвалась Игорем, захавшим, с его слов, полчаса назад. Из вещей у Игоря лишь вялый баул, новенький черный комплект «тимбирлэнда» и фуфайка, тоже черная.

Подавленный видом человека-мухи — ни разу не смог поймать его взгляда, посмотреть в его глаза, — я улегся на верхнюю шконку, устался в потолок. Присутствие рядом такого пассажира явно неспроста. Мысли в голову полезли противные: «Если утром хочешь проснуться, то ночью лучше не спать, придушит и к решке подвесит или к моим же нарам...

Да какая разница, где болтаться... А спать-то хочется... Мэра Подольска Фокина где-то здесь повесили...»

Тягостные размышления в дреме прервал скрежет тормозов, и дверной просвет закрыла... беззубая улыбка Бубна. Испытав спасительное облегчение, я спустился на землю. Слово за слово, Серега быстренько пробил нового соседа. По фамилии Нестеров, из курганских, получил семнадцать лет строгача, отсидел десятку, сюда привезли из Иркутской зоны якобы для «показаний по убийству Листьева». Поскольку в свое время курганские не гнушались ни воровской, ни ментовской кровью, им были обеспечены кресты (воровской приговор) и точковка (особый контроль, команда по зонам — прессовать). Мусора их безжалостно ломали, блатные убивали по тюрьмам и этапам.

— Старшой, давай с телевизором, с холодильником порешаем. — Бубен по-свойски пытался приболтать продольного через запертую кормушку.

— Завтра пиши заявление, — последовал дежурный ответ.

В хате воцарилась непривычная тишина. Есть не хотелось, да и еды особо не наблюдалось. Занялись чаем.

Глаза слипались. Настроение и обстановочка к общению не располагали.

— Вань, готово, спускайся. — Бубен прогнал мою набегавшую дремоту.

— Чего? — промямлил я спросонья, вынужденный вновь озирать тюремные стены.

— Чайку, — подмигнул Бубен. — Не водка, правда, много не выпьешь.

— Чаю так чаю.

Бурый завар был уже разлит по казенному алюминию. Выпили. Покурили. Помолчали. Эйфория накатывала мягко, легкой волной бархатного прибора. Сонливость уходила вместе с чувством роковой перемены. Сознание охватывало вдохновенное красноречие. Мне вдруг открылось, что никогда не встречал столь приятной, благодарной и понимающей меня аудитории. Каждое слово падало на благодатную почву и возвращалось ко мне усиленной энергетикой. Я включился как радио: говорил много, долго, красиво, жадно, словно боялся не успеть выговориться, боялся упустить главное, потерять тему и тему, следующую за этой темой. Соседям достаточно было время от времени подкидывать поленья вопросов в топку моего словоблудия, и исповедальное пламя разгоралось с новой силой.

Бубен старался не оставаться в долгу. Как говорится, откровенность за откровенность. Моему вниманию была предложена захватывающая история растерянных зубов и пальцев, не обошлось и без увлекательной автобиографии. Сергей рос без отца, мать трудилась поваром в «Праге», последнее обстоятельство определило не только кулинарные способности Сергея. Уже в школе Бубен начал фарцевать «фирменной» джинсой и кедами. Затем пошел крутить наперстки. В середине девяностых организовал пирамиду, из-за которой семь месяцев пришлось посидеть. Дальше пошел серьезный бизнес по городу Мытищи и его окрестностям — от импорта машин

до крупного строительства. Бизнес Сергей завязал на мусоров, которые в итоге и обеспечили ему посадку по некрасивым статьям. В эту шаткую историческую хронологию Бубен поместил героическую службу в Афгане, естественно, в спецназе.

— Духи заманили нас в засаду, — как на духу рассказывал Серега. — Всех положили. В плен попал я и дружок мой Саня Кротов. Посадили нас в яму. День, два сидим. На третий решили бежать. Сутки шли. Почти ушли, до своих километров пять оставалось. Поймали. Сашке голову отрезали, мне пальцы отрубили. Крови потерял уйму. Выбора тогда у меня не оставалось. Или еще раз попытаться бежать, или сдохнуть от гангрены в яме. Через два дня решился. Меня духи особо уже не стерегли. Кто мог рассчитывать, что изможденный, с искалеченной рукой доходяга отчаеся на вторую попытку. Короче, дошел я до наших, а там госпиталь, демобилизация...

Принимали Бубна менты на его собственной кухне по всем правилам детективного жанра: пока основная группа захвата ломилась через дверь, двое бойцов влетели в окно.

Руки захлестнули за спину, по пораженной гепатитом печени застучали милицейские берцы, камуфлированный гоблин тяжелой рукоятью «стечкина» выламывал Сереге зубы...

При всем желании, воспроизвести все, что было нами сказано, невозможно. Беседа шла до четырех часов утра, до физического изнеможения, до умственного истощения. Под конец я еле влез на шконку, лег, сделал глубокий вздох и только тогда понял, что организм находится в странном состоянии, которое даже сравнить было не с чем. Сильное внутреннее возбуждение, учащенное сердцебиение, сдавливание глазниц, самое необычное то, что нерв, расположенный в нижней губе, бешено колотился о зубы.

Сразу стала понятна вся эта «непринужденная» атмосфера, отсутствие телевизора и непривычная тишина. Только через год я узнал, что эта шестьсот девятая камера — особая, нежилая. Больше двух недель в ней никто не сидит... За шесть часов исповеди я, пожалуй, надиктовал свое полное досье за всю жизнь. Записи эти хранятся в спецчасти ИЗ-99/1. Придет время — прочитаем. Знать бы, кто и для чего читает их сейчас.

Я проснулся на следующий день, когда уже разносили обед. Себя на утренней проверке не вспомнил. Спал в одежде — отключка пришла неожиданно, голова трещала в тяжелом наркотическом похмелье. Но при этом отчетливо помнил, что я нес в исповедальные часы: в принципе, ничего крайне криминального, ничего интимного.

В силу обывательских представлений о нестандартных оперативных приемчиках по расширению-сужению сознания, которые в итоге меня не обманули, я ждал подобных экспериментов над своей психикой. Конечно, предполагал нечто более оригинальное, вроде таблеток и прививочек. А тут — на тебе, такая пошлость!

Еще на Петровке, сразу после ареста я обозначил для себя табуированную информацию, ссылка на которую в любом контексте становилась невозможной, и некоторые жизненные ситуации из разряда мелкого хулиганства изменил с учетом широкого слушателя. Таким образом, выражаясь занудно, если сознание получает запрет на воспроизводство определенной информации или последняя перепрограммируется, то даже «сыворотка правды» ее не достанет.

На следующий день принесли телевизор, Нестеров поглотился сериалом «Солдаты», комментируя и сам с собой обсуждая казарменное «мыло». В холодильнике упорно отказывали, видимо, зная, что надолго здесь никто не задержится. Продукты в камерном душняке тухли на

третий день, до очередной передачи приходилось дотягивать на баланде.

Через две недели я поехал дальше.

Восьмое февраля — сестренке исполнилось двадцать лет, а мне приказали собирать вещи. Переезд из 609-й «пещеры» — добрый подарок брату на день рождения сестры. Сумка с одеждой, пачка гречневых хлопьев, матрац под мышку: «Готов, старшой!» Дежурно простившись с Бубном и Нестеровым, который нехотя оторвался от «Солдат», я вышел из хаты.

Десять метров налево по коридору — камера шесть ноль два — третья по счету за полтора месяца моего закрытого бытия.

С любопытством и горечью ощущения своего подопытного статуса я перешагнул порог новой хаты. Свет, яркий, жесткий, режет глаза, привыкшие к полумраку прежней берлоги, хотя эзку чем больше ватт, тем больше радости. Потемки удручают, накатывая тоской беспросветности, пыльно-колючей мешковиной набрасывают на голову колпак обреченности и шершавой безнадёги.

Хата была пустой, но обжитой, маленькой, но уютной, если подобное определение вообще применимо к тюрьме. Двухъярусные нары возле решетки аккуратно застелены красивым цветным, затянутым с воли постельным бельем. Рядом с компактным однокамерным холодильником белорусского производства пластиковая полочка, с горкой заваленная апельсинами. Узкий пяточок под железными крючками заняли большеразмерные адидасы, китайские шлепанцы; под менее тяжеловесную ногу предназначались изящные кеды «Альберто Гурдиани» и кожаные тапки «Прада». На вешалке особняком от черкизовского ширпотреба хранился немецкий спортивный костюмчик любимой марки Путина — «Богнер». Судя по всему, два моих новых соседа разительно отличались друг от друга и по габаритам, и по запросам.

В своих расчетах я не ошибся. Хозяева пожаловали после девяти. Первым в тормоза протиснулся угрюмый здоровяк тяжелоатлетической тучности. Казалось, все его эмоции беспощадно задавлены мясом, грудой мышц облепившим тело. Круглое лицо, в чертах под стать фигуре, отсвечивало кладбищенским спокойствием братской могилы чувств и переживаний с высеченной надгробной надписью мрачной улыбкой.

«ОПГ (организованная преступная группа. — *Примеч. авт.*) и стопятка — иного диагноза увиденное не предполагало. Такой не сворует и не обманет. А замочить — в легкую». Еще что могло быть сразу отмечено, так это прямота слова и мысли, а также неприятие базара с собственной совестью, без исключения для ментов.

Из-за широкой, как булыжная кладка, спины здоровяка вынырнул приземистый, юркий, простоволосый арестант с резкими семитскими чертами, которые в сочетании с длинной, седой, разбросанной по сгорбленным плечам шевелюрой, перетекавшей в ухоженные бритвообразную бороду и усы, делали его похожим на злобного, хитрого тролля, сошедшего с немецких гравюр к сказкам Гауфа.

Я сразу вспомнил криминальный сюжет, показанный всеми российскими каналами, о задержании главаря банды мошенников, которые промышляли продажей поддельных правительственных номеров, разрешений на мигалки, спецпропусков и других всяко-разных ксив. Запомнились кадры скрытой видеозаписи, на которых мой новый сокамерник в элегантном полосатом костюме объяснял клиенту, как закрыть вопрос с ментами, чтобы вернуть «Мерседес», арестованный за «левую» мигалку.

И хотя о Славе Шере я уже был наслышан и от Бубнова, и от Зайца, окончательная картина срослась у меня только сейчас.

Федеральная популярность Шера стала возможной благодаря истеричной кампанейщине против привилегий на дорогах, с одной стороны, обусловленной ситуацией,

когда каждый второй решал проблему своей неполноценности посредством синей лампочки на крыше и крякалки под капотом. С другой, в России назрела политическая необходимость очередной информационной шумихи во укрепление имиджа власти и органов. Крайним сделали Шера, скромного еврейского сироту пятидесяти двух лет, отца-одиночку, способного мошенника, в хорошем смысле этого слова, то есть не жадного, и, подобно лисе, никогда не путавшего курятник с загоном для крупного рогатого скота. Он летал низенько, яко пчелка, опыляя вечнозеленую ботву, и никак не думал пасть жертвой противовоздушной обороны.

Следствие заявило, что возглавляемый Шером коллектив изготовил сто двадцать комплектов флаговых номеров-двойников с соответствующими документами. Схема выглядела следующим образом. Располагая информацией, что такой-то сенатор или депутат ездит на такой-то машине такой-то модели и цвета, с таким-то спецномером, мошенники делали аналогичные номера, требуя от клиента вешать их только на такие же «колеса». В комплект входили документы прикрытия, должны залегендировать присутствие на лимузине коммерсанта правительственных атрибутов, и инструкция по эксплуатации, которую следует привести дословно:

«Уважаемые господа!

Настоящим представляем вам эксклюзивное предложение, которое реально будет способствовать в уменьшении различных проблем, с которыми приходится сталкиваться повседневно.

Постоянно взаимодействуя с чиновниками на разных уровнях и пользуясь их возможностями, мы получили доступ к такой льготе, как обладание удостоверением Управления Делами Президента (УДП) Российской Федерации на физическое лицо и плюс одноименный пропуск — триколор со всеми необходимыми печатями и

государственной символикой на лобовое стекло вашего автомобиля.

В данное время подобным комплектом пользуются около ста человек наших партнеров в Москве и области, Питере, Челябинске, Краснодаре, Сочи, Туле и Оренбурге. Всего в УДП выдано около 150 комплектов данного образца. Настоящая форма введена в действие с 2003 года.

Практика применения настоящего документа показала, что удостоверение эффективно работает в следующих случаях:

— облегчает любые контакты с сотрудниками силовых ведомств и полностью заменяет в этих случаях гражданский паспорт;

— обеспечивает беспрепятственный вход (въезд) во многие государственные учреждения, в том числе министерства, ведомства, префектуры, управы, отделения милиции и т. п., бизнес-центры, в здания фирм и компаний, дома и зоны отдыха и в центры развлечений, на рынки и другие новомодные образования;

— обеспечивает правом внеочередного приобретения ж/д и авиабилетов, в том числе и в случаях «когда их нет в наличии»;

— обеспечивает ваше превосходство по отношению к «другим людям» в любых иных жизненных ситуациях.

Практика применения пропуска на лобовом стекле автомобиля:

— автомобиль, стоящий «под знаком», не будет эвакуирован на штрафную стоянку;

— парковка бесплатна практически везде;

— беспрепятственный въезд на многие «полузакрытые» территории;

— обеспечивает снисхождение со стороны сотрудников ГАИ при нарушениях ПДД, особенно в провинции.

Сроки действия: удостоверение действует до срока его сдачи «при оставлении должности» (практически

бессрочное). Пропуск на автомобиль выдается на календарный год.

О популярности документарного комплекта:

Отмечена наилучшим образом в областях и дальних провинциях России при взаимодействии со всеми представителями власти, в том числе и с ГИБДД, высоко оценившим «крутость» персоны, владеющей данным комплектом.

Что необходимо для получения:

- отсутствие судимости (обсуждается);
- два цветных фото 3x4, матовые;
- копия гражданского паспорта;
- копия свидетельства о регистрации автомобиля (автомобиль любой: зарегистрированный на физическое лицо или организацию).

Срок получения — 4—6 рабочих дней.

Возможно получение документов отдельно: или удостоверение, или пропуск.

Рекомендуемый порядок пользования настоящим удостоверением и пропуском на автомобиль, входящим в комплект.

Уважаемые господа, вы стали обладателем уникального комплекта, дающего вам право быть на порядок выше всех остальных граждан, не осведомленных о нем, не использующих его и не понимающих, какими привилегиями можно обладать, если грамотно использовать данный комплект.

Вы сможете избежать массы проблем и неприятностей, если воспользуетесь нашими советами по применению настоящего комплекта, которые, в принципе, одинаково действенны и для всех иных всевозможных удостоверений, которые действительно имеют вес в настоящее время в России.

Если учитывать тот факт, что документы сотрудника аппарата высшего руководства страны практически

всегда если не вызывали некий страх, то склоняли к подсознательной лояльности и, зачастую, к подчинению лицу, ими обладавшему, то намного проще решать свои задачи и проблемы в данный момент времени, в данном месте.

В подавляющем большинстве случаев получается, что отдельно взятый чиновник только тогда выполняет свои обязанности, когда видит как минимум равнозначного по статусу человека перед собой, во всех остальных случаях вы — никто. С вами можно вступать в перепалку, тормозить выполнение возложенных по закону функций, тянуть время или же открыто посылать вас прийти или получить положенное вам через неопределенное время.

Практика, по крайней мере, двухсот человек, имеющих данный комплект, показала, что существуют определенные рекомендации, соблюдая которые вы всегда будете на высоте и сможете преодолеть любые трудности, возникающие на вашем пути в плане взаимоотношений с чиновниками большинства ответвлений от вертикали власти нашей страны, представителями всяческих администраций, муниципальных образований, ФГУПов, коммерческими структурами любого уровня, рынков, и в самых разнообразных иных ситуациях, где ваше воображение само подскажет, как необходимо действовать.

Итак, мы рекомендуем:

1. Иметь достойный внешний вид при любых обстоятельствах.

2. В любом случае стараться выказывать уважение к человеку, не теряя достоинства, с которым вы вступили во взаимодействие с целью решения вашей проблемы или задачи.

3. Ни при каких обстоятельствах не «включать фактор распальцовки», вышедший из моды по прошествии девяностых годов двадцатого века.

4. Своевременно включать собственный ресурс провидения и интуиции, «функцию находчивости» и иные

положительные качества, способствующие воплощению в жизнь вашего личного статуса индουλгенции.

5. Не стесняться применять комплект в любых жизненных ситуациях, определенно понимая, что вы действительно имеете на это полное право.

6. При возникновении нестандартных ситуаций понимать лично и дать понять оппоненту, что всякие инсинуации в ваш адрес могут быть чреватые использованием вами административного ресурса, вследствие чего оппонент может понести серьезную ответственность за свои действия.

7. Ни в коем случае не комплексовать по поводу устрашения вас на предмет попыток установления вашей легальной причастности к обладанию настоящим комплектом. Пусть попробуют «пробить». Вы должны знать и дать понять «инициатору», что вы готовы на потерю времени при этом, однако база данных Администрации Президента все же является закрытой, и попытки проверки закончатся бесполезной тратой времени.

8. Пропуск на лобовом стекле вашего автомобиля является документом внутреннего использования, то есть действует на территориях объектов системы Управления делами Президента, и никакого отношения к ГИБДД и иным силовым структурам не имеет. В случае разногласий имеет смысл предъявить удостоверение в завершение ненужной беседы. Вместе с тем замечено, что пропуск имеет довольно серьезную силу на всей территории РФ, и подобные коллизии имеют единичный характер.

9. Используя данный комплект, вы вполне имеете право:

— избегать проблем в разбирательствах с инспекторами ГИБДД, сотрудниками милиции на всей территории РФ, в особенности в провинциях;

— проходить по упрощенной схеме на территории ведомственных учреждений, государственных и коммерческих предприятий, «закрытых» объектов;

- осуществлять парковку вашего автомобиля в нужных вам местах без оплаты;
- существенно поднимать свой статус вопреки желаниям различных субъектов;
- иметь преимущественное право проезда по отношению к прочим транспортным средствам;
- сопровождать колонны и любой другой транспорт «в связи со служебной необходимостью»;
- преимущественно приобретать билеты на все виды транспорта вне зависимости от их наличия;
- пользоваться правом первоочередного размещения в отелях и гостиницах, получать лучший сервис;
- и многое другое».

Цена комплекта, по версии прокуратуры, кружилась около двухсот тысяч долларов. Авторство инструкции следствие приписывало Шеру, которому сие обстоятельство очень льстило.

В лице Шера вечно сквозил легкий налет раздражения, но профессиональная улыбка — отмычка к чужому сердцу — привычно обнажала добротную металлокерамику. Из подернутого морщинами прищура постаревших глаз сладкой патокой сочилась липкая ушлость. Подобный типаж нередок, он всегда придерживается взглядов собеседника, виртуозно вращаясь в роль преданного единомышленника, но лишь для достижения короткой цели — или развести тебя, или через тебя кого-то. У них броневой социальный иммунитет и собачья адаптация к любому «концу света». Даже в аду они готовы торговать смолой и рогами.

— Миша, — представился объемный арестант. — Сухарев. Фильм «Бумер» помнишь?

— Помню.

— Помнишь, как они там за дальнобойщиков впряглись, типа, «мы с Сухарем работаем».

— Ты тот самый Сухарь?

— Ага, — довольный собой, подытожил Миша.

Михаил Сухарев уже догонял свои сорок лет. По версии следствия, один из участников кингисеппской ОПГ. Ему, как и Сереге Алтынову, вменялся эпизод почти пятнадцатилетней давности — соучастие в убийстве белорусского банкира, застреленного в мае 1993-го в Минске.

Брали Сухаря дома в Питере, группа захвата сработала прямо напротив тамошнего ФСБ. Принимали жестко. Со страху отбив сухожилия на ногах и обездвижив центнер с гаком, мусорам пришлось волоком тащить Сухаря до машины на глазах у изумленной публики. Затем повезли в лес.

«Я думал мочить везут, — рассказывал Саня. — А они, оказывается, отрывались от возможной погони. Во до чего бздливые! Постояли в лесочке, отзвонились, проверились и снова в город. Привезли домой на обыск. Старший группы, полковник, жевало, как вокзальные часы, легче покрасить, чем объехать, — говорит мне: “Вот у тебя машина хорошая, значит, кого-то одного, по крайней мере, убил, квартира большая — значит, минимум еще двоих!”»

“С чего ты взял?” — спрашиваю я. “У меня логика такая”, — скалится мусор, а на руке котлы от двадцатки. “У тебя картошка дома есть?” — спрашиваю мента. “Ну, есть”, — отвечает. “Выходит, что ты пидор! Такая вот у меня логика!”»

В Москву этапировали этой же ночью. Билетов на поезд в кассе не хватило даже для мусоров. Поэтому выгнали проводницу из ее будки. Меня — на нижнюю полку, а пристегнутого ко мне козла — на пол».

— На обыске ничего не сунули?

— Сунуть не сунули, а сто штук зелени ушли, как дети в школу.

— На 51-й?

— Конечно, — усмехнулся Сухарь. — Мусорам что ни скажи, перекрутят как хотят.

— А что по срокам?

— Хрен знает. Менты кошмарят двадцаткой. — Миша равнодушно вздохнул. — Посмотрим...

— Вань, ты куришь? — спросил меня Слава, возившийся возле холодильника.

— Никак не соберусь бросить. А вы не курите? — недоуменно уточнил я, покосившись на чернеющую на углу «слоника» пепельницу.

— Не-а, — осуждающе-деликатно покачал головой Шер. — До тебя здесь Андрей Салимов сидел по банку «Нефтяной», может, слышал? Он курил.

Миша оказался скуп на слова. Казалось, всякое общение его тяготило. Однако это обстоятельство не мешало видеть в Сухаре удобного сокамерника и приятного собеседника, редкость высказываний которого лишь обостряла значимость последних.

За первые два месяца тюрьмы самым большим вопросом для меня стали письма. Посланные с воли, они большей частью терялись по дороге ко мне. Некоторые навсегда оседали в спецчасти изолятора, которая цензурировала почту, иные, якобы способные пролить свет на обстоятельства моего уголовного дела, безвозвратно уходили к следователю. Негласный выборочный запрет на переписку с близкими являлся своеобразной формой пресса, используемой на «девятке». Особенно тяжело это по первости, когда тюрьмой еще не начал жить, когда все еще по инерции дышишь волей, не осознавая мрачную явь казематных стен, когда решетки, тормоза, параша, шевроны и «руки на стену» кажутся зловещей бутафорией к какой-то глупой заезженной трагедии, где вот-вот рухнет занавес, вспыхнет свет и ты, не утруждаясь аплодисментами, рванешь в гардероб... Единственное, что до последнего держит иллюзию спектакля вокруг тебя, — это переписка с домом, безответность которой замуровывает душу осознанием горькой реальности.